ВОСПОМИНАНІЯ КРѢПОСТНАГО

1800—1868

(ПО ПОДЛИННОЙ РУКОПИСИ)

Предлагаемая статья не есть литературное произведеніе въ собственномъ смыслѣ этого слова, то-есть это не вымыселъ и не *записанный* разказъ. Это—подлинная автобіографія крѣпостнаго изъ зажиточной, потомъ обѣднѣвшей семьи, автобіографія крестьянина, мыкавшаго горе бѣднымъ парнемъ, бѣгавшаго за Дунай, возвратившагося по Всемилостивѣйшему манифесту, окончившаго свою жизнь въ Москвѣ купцомъ 2й гильдіи, агентомъ одного большаго завода, человѣкомъ извѣстнымъ всему биржевому и торговому кругу и всѣми уважаемымъ; подлинная хроника, *писанная имъ самимъ* на склонѣ дней. Если изъ крѣпостнаго крестьянскаго быта у насъ выходило не мало замѣтныхъ въ томъ или другомъ отношеніи людей, то кажется еще не было примѣра чтобы вышедшій изъ крѣпостнаго состоянія, но оставшійся въ крестьянской или примыкающей къ нему мѣщанской, промышленной, торговой средѣ, оставилъ по себѣ *собственноручныя записки*. Уже въ этомъ отношеніи помѣщаемыя ниже строки заслуживаютъ вниманія. Всякій оцѣнитъ въ нихъ конечно, кромѣ историческаго и бытоваго значенія и довольно любопытныхъ подробностей, еще двѣ

черты: независимость отзывовъ какъ о „баринѣ“, такъ и о своей крестьянской братьѣ, и вмѣстѣ съ тѣмъ полнѣйшую незлобивость и дѣльность сужденій. Къ сожалѣнію, рукопись не могла быть напечатана въ своемъ сыромъ видѣ. Во-первыхъ, она состоитъ изъ очевидно необработанныхъ черновыхъ набросковъ; во-вторыхъ, она изобилуетъ повтореніями и подчасъ вдается въ неоправдываемое потребностями изложенія многословіе, естественное со стороны человѣка умнаго, бывалаго, читавшаго на своемъ вѣку, но едва грамотнаго. Нужно было очистить эту кору чтобы получить простой и складный разказъ, какой вѣроятно самъ авторъ написъ бы на бумагу, еслибъ имѣлъ бо́льшую привычку къ письменности. Но сокращая и устраняя лишнее, я ни одного почти слова не прибавилъ отъ себя и старался сохранить своеобразность рѣчи вездѣ, гдѣ она проявлялась.

Подлинная рукопись (112 страницъ большаго формата и очень мелкаго письма) подарена мнѣ моимъ добрымъ московскимъ знакомымъ И. Д. Гв., большимъ пріятелемъ покойнаго автора, который предъ смертію передалъ свою автобіографію въ его распоряженіе.

I.

Великое Село (Ярославской губерніи, въ 35 верстахъ отъ Ярославля, на востокъ отъ большой дороги оттуда въ Ростовъ), мѣсто нашей родины, съ незапамятныхъ временъ подлежало съ окружными деревнями вѣдѣнію дворцоваго государева приказа. Церковь, два базарные дня въ недѣлю, производство крестьянской обуви, рукавицъ, варежекъ, шерстяныхъ чулокъ—остались памятниками той давней поры. Этими рукодѣльями и держалась искони базарная торговля. Лѣтомъ она оживлялась добавочною продажей холстовъ и тонкихъ носовыхъ платковъ (многимъ вѣроятно и теперь болѣе извѣстныхъ чѣмъ самое село Великое), зимой льна, подъ названіемъ „глинца“, котораго въ окрестности издревле была порядочная запашка и который испоконъ вѣка славился своимъ качествомъ. Въ XVIII столѣтіи вся вотчина съ двадцатью тремя деревнями и селомъ Плещеевымъ какимъ-то манеромъ (не умѣю объяснить, кажется подарила

Екатерина) перешла во владѣніе князя Петра Ивановича Репнина. Вельможа любилъ село, поставилъ тамъ деревянные хоромы, часто самъ въ нихъ живалъ, дружилъ съ тогдашнимъ воеводой, содержалъ псарню, держалъ особой породы гончихъ, бѣгалъ съ гостями за зайцемъ, ходилъ на медвѣдя. Строиться, пристраиваться и перестраиваться онъ былъ большой охотникъ, и въ прихотныхъ его перемѣнахъ крестьянамъ доставалось довольно работы. За то онъ не стѣснялъ ихъ много денежнымъ сборомъ, а во всемъ прочемъ была имъ вольгота. Старики даже хвастались: „Вотъ была жизнь при князѣ! Мужики мелкой сошки сворачивали съ дороги. Земскіе крючки и носу не показывали. Грѣшнымъ дѣломъ подольемъ и повольничаемъ, напроказимъ что—все съ рукъ сойдетъ: приди на утро съ повинною къ князю, принеси гостинчикъ дворецкому, и концы въ воду. А сунется какой смѣльчакъ на насъ жалобы взводить, да будетъ резоны выставлять,—ну и попробуетъ на конюшнѣ арапника.“

Точно, князь защищалъ своихъ крестьянъ и не тяготилъ оброкомъ, но плохо то, что вовсе не занимался онъ хозяйственною экономіей и не служилъ крестьянамъ хорошимъ примѣромъ, а изъ одной доброты вышла потачка злу. Люди стали негодяями, пьяницами, лѣнивцами, и полно разбирать, какъ досталась копѣйка! Съ того же времени завелось въ селѣ два *крестьянскихъ каменныхъ* дома, очень примѣчательныхъ: одинъ тѣмъ что хозяинъ его, мужикъ, самъ для себя кирпичи выжегъ, другой—по иной причинѣ. Этого хозяинъ былъ сыромятникъ. Случился разъ скотскій падежъ; онъ дралъ съ чумнаго скота кожи, выдѣлывалъ ихъ подъ защитой князя, продавалъ съ большимъ барышомъ, тѣмъ изъ ладали и лалаты поставилъ. Толкуютъ, будто лишь одному еще человѣку, кромѣ кирпичника, и доставался хлѣбъ честнымъ трудомъ: старику одному который выводилъ голубей и нѣсколько лѣтъ сряду возилъ ихъ въ Москву по заказу тогдашняго тамъ большаго вельможи (порода и теперь слыветъ знаменитою).

А запущенное хозяйство и дало себя знать. Зажиточныхъ крестьянъ не было, напослѣдокъ же князю вдругъ понадобились деньги. Онъ прежде всего обратился къ своимъ, назначилъ выкупъ ихъ свободы со всею землей и

угодьями за двѣ тысячи пятьсотъ душъ — шестьдесятъ тысячъ, значитъ по двадцать-четыре рубля за душу: крестьяне и того не могли собрать! У нихъ и подати: коли не поможетъ князь, частенько приходилось стоять на правежѣ.

Чѣмъ кончилась денежная надобность князя? Разумѣется продажей вотчины. Въ ту пору людей сбывали безъ дальнихъ затѣй, какъ рабочій скотъ. Нужны ломѣщику деньги—нѣсколько человѣкъ крестьянъ на базаръ. Покупать могъ всякій свободный, формальныхъ крѣпостныхъ записей не было, требовалось только письменное свидѣтельство ломѣщика. И цѣлую вотчину тоже можно было поворотить на базаръ. На это водились люди въ родѣ маклеровъ (они же занимались ябедами въ судахъ, водя знакомство съ богатыми). Чрезъ одного такого дѣльца продана была и вся наша вотчина, не ломѣщику, а богачу изъ купцовъ, бывшему тогда въ Петербургѣ откупщикомъ литейныхъ сборовъ, Саввѣ Яковлевичу Собакину (въ послѣдствіи съ перемѣной фамиліи Яковлеву). Слышно было отъ стариковъ что этотъ Савва Яковлевичъ вышелъ изъ Осташковскихъ мѣщанъ, служилъ въ Петербургѣ работникомъ у придворнаго поставщика зелени, мущина былъ красивый, кровь съ молокомъ, здоровый, видный. Умѣлъ выйти въ люди и пользовался благосклонностью тогдашняго вѣка такого лица, которое имѣло способъ изъ бобыля сдѣлать богача. Не знаю счастье ли или способности и природная сметливость, но Савва Яковлевичъ имѣлъ расположеніе многихъ знатныхъ господъ. Только разъ, по одному важному случаю, допущена была въ Петербургѣ на одинъ день безденежная расплвка вина по всѣмъ литейнымъ заведеніямъ, въ родѣ какъ бы угощеніе народу. Откупщикъ, въ надеждѣ на покровителей, и поставь въ разчетѣ съ казной непомѣрно ужь много будто бы израсходованныхъ имъ литей, что-то вдвое чѣмъ былъ у него весь годичный запасъ: хватилъ черезъ край, а главное—не поладилъ съ кѣмъ слѣдуетъ. Вышелъ доносъ, и у Саввы Яковлевича откупъ отобрали, а самого выслали изъ Петербурга.

Непріятно, конечно, но съ деньгами вездѣ жить хорошо: вотъ онъ и купилъ нашу княжескую вотчину, да еще пріобрѣлъ себѣ въ Сибири у Демидова желѣзные заводы, а потомъ еще въ Ярославлѣ полотняную мануфактуру съ

мастеровыми людьми до тысячи душъ. Въ Петербургѣ же и Москвѣ было у него много домовъ.

До этого времени или послѣ, не знаю, родилось у него пять сыновей и одна дочь: Петръ, Иванъ, Гаврило, Михаилъ, Сергѣй. По тогдашнему обычаю богатыхъ людей, сыновей записали на службу, они получали чины, въ послѣдствіи вышло имъ и дворянство. Послѣ смерти родоначальника, пять сыновъ (всѣ не женатые), раздѣлили имѣніе на пять частей. Сергѣю, по службѣ уже подполковнику, досталось наше село, безъ окружныхъ деревень (1130 десятинъ пахатной земли, 160 лѣсу и 600 луговъ), кромѣ того въ Сибири желѣзные заводы съ душами.

Съ той поры какъ богатый откупщикъ купилъ вотчину, жизнь крестьянская пошла иначе. Буйная свобода замѣнилась рабскою покорностью, за прежнее ото всѣхъ посылались укоры, земскіе крючки стали безпрестанно наѣзжать въ село по дѣлу и безъ дѣла, жить тамъ и кормиться; нѣтъ ужь былой барской защиты: за все откупайся деньгами! Новый владѣлецъ устроилъ при рѣкѣ близь села бумажную фабрику, и на работу туда поставилъ всѣхъ кто неисправно вносилъ положенный оброкъ, то-есть чуть не всю вотчину. Тогда только старики догадались что для избавленія отъ тяжкой барщины нужно изыскивать средства пріобрѣсти колѣйку, но пересолили и въ другую сторону противъ прежняго: всякій сталъ думать только о себѣ, а предпріимчивость новыхъ способовъ добычи денегъ ограничилъ мелочнымъ разчетомъ, прибѣгая къ тому же ко всякимъ средствамъ. Съ этого кажется времени и начали постепенно измѣняться нравы нашихъ предковъ. Старики, сознавая прежнюю ошибку, говорили: „Господь прогнѣвался, и жизнь наша безотрадная за грѣхи наши.“ А другіе и то прибавляли: „Не за то Богъ на насъ гнѣвъ положилъ что при князѣ вольничали, а за то что отступились отъ вѣры по старымъ книгамъ, погубила насъ Никоновщина и сожительство съ табачниками.“ Домашніе грамотѣи затолковали даже о послѣднихъ временахъ, о печати антихристовой и о близкомъ появленіи звѣря съ титломъ 666. А какъ тогдашнее духовенство не только не обратило на это состояніе головъ никакого вниманія, но еще приводило крестьянъ въ соблазнъ своею жизнью, то невѣжественные толки укрѣпили расколъ во всѣхъ почитавшихъ важность христіанскихъ

обрядовъ. Сужденіями о двуперстномъ сложеніи креста и о чтеніи церковной службы по старымъ книгамъ увлеклись всѣ слабые разсудки, особенно женщины, и стали жертвой Пахомыча, который былъ однимъ изъ главныхъ тогдашнихъ наставниковъ раскола (хотя втихомолку придерживался чарочки), и завелъ въ селѣ моленную.

Все это происходило хотя неизвѣстно мнѣ въ какихъ именно годахъ, но знаю что въ бѣдственномъ барщинномъ положеніи предки наши находились около пятнадцати лѣтъ, до самаго раздѣла наслѣдниковъ богатаго откупщика. Слѣдовательно, это было до тысяча восьмисотаго, потому что въ 1790 молодой владѣлецъ-подполковникъ письменнымъ приказомъ всѣмъ нашимъ сельчанамъ объявилъ волю своего повелѣнія, что отнынѣ впредь крестьяне нашей родины (1.250 душъ) освобождаются отъ фабричной работы, и владѣть имъ всею пахотною землей, сѣнокосными лугами и дровянымъ лѣсомъ, а за все то вносить годичный оброкъ 15.000 рублей ассигнаціями. Казеннаго сбора платили полтора рубля съ души. Господскій налогъ по тогдашнему времени показался довольно тягостнымъ; притомъ и пахатной земли пришлось меньше чѣмъ десятина на душу, только и есть что скотъ попасти, а посѣвы-то хлѣбные и не затѣвай. Наши старики и вспакнули было что когда князь хотѣлъ со всей вотчины взять шестьдесятъ тысячъ, и быть ей вѣчно вольною, такъ не могли собрать по своей той разгульной жизни.

Однако что̀ дѣлать, прошлаго не воротишь! Пошли рѣчи: „Слава Богу что хоть избавились отъ барщины. Дѣла-то авось торжишки справятъ. Оброчному крестьянину хоть и тяжело, все-таки лучше зашибетъ колѣйку, тутъ и бабы помогутъ: онѣ у насъ мастерицы ткать тонкія новинки; нарочно въ село пріѣзжаютъ купцы, платятъ дорого и хвалятъ, лучше де нѣтъ такихъ новинъ. Да еще спасибо молодому барину и за то что въ управленіе вотчиной назначилъ выбирать намъ самимъ бурмистра. Свой человѣкъ, какой ни есть, лучше чужаго. Вотъ хоть заводскій управляющій, толстый Нѣмецъ: сколь ни будь исправенъ на работѣ, а какъ не принесешь къ празднику яичекъ, маслица, или жена полотенецъ да холста, такъ и гляди что придерется ни къ чему, проклятый, да и отдеретъ тебя,—куда пойдешь жаловаться? А коли не къ чему прицѣпиться, позоветъ

тебя къ себѣ въ локой; идешь себѣ лопросту, ну чуточку и замараешь лоль; вытеръ бы хоть кафтанишкомъ, такъ нѣтъ: велитъ слизать языкомъ, а то бородой вытереть, и не отстанетъ, супостатъ, лока не вытрешь начисто...“

Въ молодости моей эти пересказы стариковъ слабое имѣли влечатлѣніе. Потомъ уже всломнилось, и укрѣпилась во мнѣ мысль, что да, горькая была крестьянская наша зависимость!

II.

Новый владѣлецъ нашъ, подлолковникъ, не злой человѣкъ, но съ дѣтства раслущенный, не такъ-то охотно держался солиднаго круга знакомыхъ своего семейства, даже тяготился приличіемъ визитовъ и жилъ ло-своему, такъ что прежнія связи разстроились и даже родные не хотѣли съ нимъ знаться. Вмѣсто ихъ нашлись ему угодники, люди не казистые, но съ отличнымъ достоинствомъ: полить, локутить готовы одинъ за троихъ, да восхвалить добродѣтель хозяина и умъ его Соломоновъ, да посплетничать, или и лознакомить съ красивенькимъ личикомъ. Жизнь шла какъ ло маслу. Сытный столъ ежедневно готовился на тридцать и болѣе особъ разнаго званія и лола. Въ шесть часовъ кончался обѣдъ, потомъ окна на Невскій (жилъ подполковникъ въ самомъ Петербургѣ) закрывались ставнями, и начиналась потѣха. Музыканты, лѣсенники, буфетъ. Предъ полойкой обыкновенно хоромъ кантъ: „Братья, рюмки наливайте, осушайте въ рюмкахъ дно!“ Потомъ лѣсни и пляски. Наскучитъ—въ разсылную, въ залѣ настелютъ мягкихъ ковровъ, сядутъ на нихъ чинно рядышкомъ и затянутъ любимую „Внизъ ло матушкѣ ло Волгѣ“. Когда и это надоѣло, готова другая забава: въ теплой комнатѣ можно щеголять въ Адамовомъ костюмѣ...

Втерлись въ расположеніе нашего барина также и люди имѣвшіе цѣль не только локутить, но въ домѣ богатаго хозяина открыть карточную игру. Коноводы этой „золотообрѣзной компаніи“, какъ ихъ называли, народъ тонкій, хитрый, ловели свое дѣло съ умѣньемъ: они залучили нѣсколько человѣкъ пристрастныхъ къ банку изъ знатной молодежи. Хозяинъ самъ не имѣлъ большой охоты къ картамъ, но увлекаясь фамильярностью знатныхъ посѣтителей, слу-

чалось тоже „примазывался“ и поплачивался: что ему значило потерять нѣсколько тысячъ! Только разъ получилъ онъ отъ одной иностранной конторы значительный кушъ за проданное желѣзо. Пронюхали объ этомъ пріятели. Одни явились къ обѣду, привезли мѣшокъ червонцевъ и дали хозяину на сохраненіе не считая. Другіе пріѣхали когда подполковникъ, уже сытый и льяный, взявъ рюмку провозглашалъ обычный стихъ: „Ну друзья, Богъ вино намъ далъ на радость, Старость въ немъ находитъ младость и всѣмъ горестямъ конецъ“. Подтянули, выпили хорошенько, затѣмъ открыли игру. Привезенныя деньги разложили по столамъ. Сперва пробавлялись все мелкими ставками, такъ что хозяину, хоть и не игроку, досадно сдѣлалось зачѣмъ никто не рискуетъ покрупнѣе. Въ поощреніе онъ самъ ставитъ карты на всѣхъ столахъ: три выигрываютъ, одна убита, еще нѣсколько даны, всего получилъ около десяти тысячъ. Богачу это не находка, онъ лишь радъ что разшевелилъ гостей. Оставилъ ихъ, въ другой комнатѣ еще подкуражился, а тутъ ему кричатъ.

— Сергій Савичъ! безъ васъ игра опять затихла.

— Ну, говоритъ,—такъ я же имъ дамъ!

Входитъ, ищетъ столъ гдѣ куча денегъ побольше, беретъ шестерку, „ва-банкъ!“

Убита...

Нечего дѣлать, надобно расплатиться. „Сколько“, спрашиваетъ. Сосчитали, и въ грудѣ золота оказалось банковыми билетами двѣсти тысячъ.... Приказалъ управляющему заплатить сполна, только въ этотъ вечеръ сильно нарѣзался.

Кромѣ бахвальства и замашки кутнуть, баринъ нашъ имѣлъ еще охоту къ лошадямъ, не зная въ нихъ толку, а хотѣлъ всѣхъ перещеголять. Такіе охотники большой кладъ для барышниковъ, они его и оплели. Поладили съ лакеями, чтобы вовремя доложили, повели дружбу съ кучерами, сперва продавали хорошо, честно, а потомъ и повалила всякая кляча. Такими покупками биткомъ набились барскія конюшни въ городѣ и на дачѣ. Когда же увидѣли прошлецы что лошадей дѣвать больше некуда, тогда пошла иная манера. Приходятъ, бывало, и который порѣчистѣй докладываетъ:

— Эхъ, батюшка, Сергій Савичъ, лошадки-то ваши хороши, только позастоялись, да и давненько изволили въ

стойла поставить; нужно бы свѣженькими обзавестись. Вотъ намъ съ Битюга ведутъ коньковъ Масоловскаго завода, и свидѣтельство имѣемъ: вотъ бы вамъ ужь какъ къ рукѣ!

А онъ:

— Что, ребята, купить бы купилъ, дѣвать некуда. Развѣ мѣняться?

— Изволь, отецъ, лишь бы угодить твоей милости...

И велитъ трехъ за одну отдать, да еще съ прибавкой наличными (безъ чистогану барышникъ не отойдетъ).

Такъ и всѣ шли дѣла домашнія. Исключительною довѣренностью нашего барина пользовался управляющій, Иванъ Савичъ Сквозникъ, человѣкъ изъ тѣхъ что знаютъ гдѣ раки зимуютъ. Онъ въ десятилѣтнюю службу при лодлолковникѣ хорошо ироникъ барина, приноровился ко всѣмъ его прихотямъ, да всѣмъ и ворочалъ. Аккуратности онъ по счетамъ былъ неимовѣрной. Днемъ ли, ночью захочетъ баринъ провѣрить деньги, все налицо до колѣчки. А того и не въ домекъ, что съ каждой продажи желѣза, мѣди, съ каждой покупки вещей для дома Ивану Савичу большой процентъ отъ купцовъ и поставщиковъ, чтобы продалъ подешевле, купилъ подороже. Сильно наживался. Бывало вышли всѣ деньги, желѣзо еще не сбыто, оброкъ не полученъ, нужно перехватить на текущіе большущіе расходы. „Похлолочи, любезный Савичъ“, приказываетъ баринъ, „гдѣ хочешь достань, что нужно заплати.“ Онъ будто и достаетъ за жидовскій ростъ впередъ: деньги изъ своей шкатулки въ барскую на время перекладываетъ. А прикидывался бѣднякомъ, и въ доказательство своей худости, въ угодность барину, женился на нашей же крѣпостной дѣвушкѣ, говорятъ не чужой барину, который далъ ей вольную и двѣсти рублей. Сквозника конечно деньги не интересовали, но женщина была сподручна. Она смотрѣла въ домѣ за всѣмъ въ родѣ ключницы: вмѣстѣ удобно было работать.

Еще былъ молодецъ, главный поваръ, какой-то „мусье“. Ему была поручена покупка провизіи и винъ, однимъ словомъ буфетъ, господскій столъ и продовольствіе дворни, и онъ почти ничего не дѣлалъ какъ только каждое утро въ бѣлой курткѣ и колпакѣ придетъ къ барину поклониться, потомъ зайдетъ на кухню сказать ребятамъ что готовить, послѣ пойдетъ къ земляку въ погребъ выпить и закусить,

лоходитъ ло поставщикамъ за своимъ барышомъ, къ обѣду явится посмотрѣть въ столовой, за особымъ столикомъ покушаетъ, и отправится въ буфетъ сидѣть до полуночи, курить кнастеръ, потягивать мадеру и грогъ. Это ничего: онъ велъ порядокъ. Плохо то, что многонько выгадывалъ на провизіи дворни. Было ее всякаго возраста и пола больше сотни человѣкъ, и многіе изъ нихъ просто нуждались кускомъ хлѣба. Лакеямъ и поварамъ еще доставалось кое-что съ барскаго стола, бѣдные же музыканты и пѣсенники частенько орали и трубили съ голоднымъ брюхомъ.

И намъ на селѣ было не легко. Оброкъ-то подавай сполна, а кромѣ того для дворни посылай лучшихъ молодцовъ. Въ одинъ годъ сорокъ человѣкъ взято было въ музыканты, въ лакеи, въ гайдуки за каретой стоять, да послѣ потребовалось двадцать дѣвушекъ.

Наскучила наконецъ барину безалаберная жизнь; вдругъ онъ бросилъ кутить и открылась въ немъ охота къ театру: напялъ ложу, почти каждый вечеръ тамъ бывалъ. Сотрапезникомъ его сытнаго обѣда остался только тотъ, кто тоже любилъ театръ. Домъ затихъ, пирушки прекратились, компанія игроковъ лишилась теплаго пріюта. Баринъ сталъ даже чистоплотенъ, каждое утро переменялъ бѣлье, одѣвался щегольски, ѣздилъ куда-то съ визитами... Вдругъ приказано передѣлать домъ на дачѣ, купить туда новую мебель. И на дачу переѣхали раньше обыкновеннаго. Стали толковать, будто баринъ женится на какой-то актрисѣ.

Такъ оно и случилось. Въ домѣ явилась хозяйка, Настасья Борисовна, которая на другой же день первымъ дѣломъ призвала всю прислугу, разспросила кто чѣмъ занимается, не имѣетъ ли въ чемъ нужды, все ласково, привѣтливо. Не знали, какъ благодарить. И завелся порядокъ. Сквознику велѣно искать другое мѣсто, повара тоже разчитали, для всей отчетности открыли домашнюю контору, главную кассу поставили въ кабинетъ барина, вмѣсто управляющаго взяли дворецкаго изъ своихъ крѣпостныхъ, добраго и хорошаго человѣка. Съ этого времени всѣ люди въ домѣ были сыты и довольны. Добрая молва пошла и по городу, дошла до братьевъ, родственная холодность ихъ начала понемножку исчезать, начали, сперва изрѣдка, будто мимоходомъ, посѣщать барина и прежніе знакомые. И баринъ съ молодою супругой тоже сталъ ѣздить по господскимъ домамъ. Такъ все и пошло ладно.

Девять лѣтъ продолжалось семейное счастіе. Тогда всѣмъ было хорошо. Дворни убавилось на-половину, нѣкоторые получили свободу; о рожденіи каждой дочери (сыновей Богъ не давалъ) извѣщалось въ вотчинное правленіе, а священникамъ высылалось по сту рублей на молебенъ. Случился въ нашемъ селѣ большой пожаръ,—съ крестьянъ не взяли оброка за годъ и сверхъ того дали имъ вспоможеніе на постройку. На десятомъ же году замужства, Настасья Борисовна, родивъ барину седьмую дочь, чрезъ двѣ недѣли скончалась... Похоронили ее въ Лаврѣ, подъ мрачнымъ памятникомъ, гдѣ наверху гнѣздышко съ птенцами.

Съ ея кончиной дочери поступили подъ надзоръ гувернантокъ, въ домѣ хоть и не былъ водворенъ прежній содомъ, однако исчезъ и заведенный порядокъ, знакомства стали рѣдѣть, развѣ кто загляпетъ навѣстить сиротъ. Баринъ тоже свой домъ почти покинулъ и частенько заглядывалъ въ чужой, гдѣ говорятъ у хозяйки нѣмецкой фамиліи стали рожаться малютки на него похожія, и куда постоянно поступало полное продовольствіе, прислуга, экипажъ. Слышно было что это семейство въ послѣдствіи обезпечено полумилліономъ рублей въ билетахъ Сохранной Казны.

Такъ шло до 1808 года, когда по случаю разрыва съ Англіей прекратился отпускъ туда желѣза. Цѣны на него чрезвычайно упали, и заводскіе наши доходы до того уменьшились что баринъ едва былъ въ состояніи содержать крѣпостныхъ заводскихъ людей. Тутъ вдругъ умеръ его старшій не женатый братъ, извѣстный скряга, о которомъ можно судить изъ того что онъ своихъ металловъ никогда не продавалъ, а все копилъ, такъ что послѣ его смерти найдена груда желѣза, вросшая на три аршина въ землю. Деньги онъ тоже собиралъ. Съ желѣзомъ тогда некуда было дѣваться, но какъ четвертая часть всего огромнаго наслѣдства скупца перешла къ нашему барину, то дѣла и поправились,такъ что въ Двѣнадцатомъ Году онъ могъ сдѣлать крупное пожертвованіе, за которое получилъ чинъ статскаго совѣтника. Въ послѣдствіи за другое дали ему и дѣйствительнаго. Съ генеральскимъ титуломъ онъ охотнѣе сталъ вести знакомства и самъ принимать гостей. Вскорѣ двѣ взрослыя дочери были выданы, тоже за генераловъ.

Баринъ скончался въ 1817 году. Наслѣдницами его оста-

лись двѣ замужнія дамы и пять взрослыхъ дѣвицъ, тоже вскорѣ сочетавшихся бракомъ. По общему совѣту, не дѣля имѣнія, учредили надъ нимъ контору общаго управленія подъ фирмой „наслѣдницъ такого-то“.

III.

Предки наши, бывъ крѣпостными одного лица, платя опредѣленный оброкъ, лишь временно выполняя какія-либо особыя приказанія помѣщика, не изнурялись (какъ одно время было) фабричною работой и, живя безъ притѣсненій постороннихъ управляющихъ, имѣли полную свободу въ развитіи своихъ промысловъ. Имъ способствовали центральное расположеніе села, двухдневные каждую недѣлю базары, двухнедѣльная ярмарка въ сентябрѣ мѣсяцѣ, собственная сметка. Только не доставало при ней честности и добросовѣстности, оттого немногіе изъ нашихъ крестьянъ разживались, и бытъ тогдашній вообще былъ не красивъ. Самая наружность жилищъ явно показывала бѣдность, такъ-что изъ шестисотъ слишкомъ домовъ села только десять было каменныхъ, и не болѣе десяти деревянныхъ отличались своимъ видомъ отъ лачугъ.

Изъ числа этихъ немногихъ каменныхъ домовъ одинъ принадлежалъ нашей семьѣ, которая издавна пользовалась уваженіемъ и довѣренностью даже постороннихъ окружныхъ и городскихъ жителей. О родоначальникахъ своихъ я ничего не знаю, кромѣ того, что въ незапамятныя времена они жили въ одной изъ двадцати трехъ одновотчинныхъ намъ деревень, называвшейся Пурлево, по чему, когда переселились при князѣ Репнинѣ въ село, то и были названы Пурлевскими. Много же я былъ наслышанъ о дѣдушкѣ своемъ Петрѣ Петровичѣ. Покойный родитель мой Дмитрій Петровичъ имѣлъ великую почтительность къ дѣламъ его и часто разказывалъ чему изъ нихъ самъ былъ очевидецъ. Всего живѣе осталось въ моей памяти обстоятельство, что когда дѣдушку избралъ міръ въ бурмистры, то помолившись Богу онъ собралъ въ правленіе все общество и сказалъ:

„Православные, созвалъ я васъ не для того, чтобы сдѣлать раскладку оброка: дѣло это должно идти своимъ

порядкомъ и каждый самъ долженъ о немъ заботиться. Моя же теперь обязанность присмотрѣть, чтобы вообще все было лучше. Должно безъ утайки показать вамъ бѣдственное ваше положеніе, которому вы сами причиной. Дѣла хоть и малыя, честно исполняемыя, сами за себя говорятъ и открываютъ путь. Чистосердечно себя поставляю вамъ въ примѣръ. Довольство моего состоянія основано на добросовѣстномъ трудѣ. Меня никто не упрекнетъ въ лѣности или въ обманѣ. Если мы Всевышнимъ Промысломъ обречены быть крѣпостными, то не совсѣмъ лишены средствъ устроить свой бытъ: хотя земли нашей пахатной и недостаточно къ прокормленію, мы свободны въ выборѣ заниматься каждый чѣмъ кому слодручнѣе, а мѣсто нашего жительства сугубо замѣняетъ недостатокъ земли, потому что даетъ средства торговать и иначе промышлять какъ кому вздумается. Мы и расторопны къ домашнему торгу, но многіе ли изъ насъ умѣютъ хорошенько имъ пользоваться? На базаръ-то всѣ выѣдутъ, да цѣлый день и хлопочутъ — изъ алтына! И ремесломъ тоже мы не вышли: работаемъ какъ при царѣ Горохѣ. Притомъ ни порядочнаго калача нѣтъ въ селѣ, ни пряника пріѣзжему полакомиться, ни кузницы лошадь подковать. Окружные жители, продавъ свой привозъ, что могутъ у насъ купить кромѣ вязи и обуви? Все берутъ у постороннихъ! У насъ въ домѣ чужіе пользуются!“

Дѣду на это отвѣчали:

— Да мы не можемъ ничѣмъ обзавестись, мы люди бѣдные....

Онъ повелъ другую рѣчь.

„Слушайте, говоритъ,—я вамъ скажу. Не бѣдность причиной плохой нашей жизни, а нѣтъ между нами согласія. Расколъ у насъ въ вѣрѣ, и между собой, и несправедливости, и обманъ, — оттого недовѣріе одного къ другому. Будь мы бѣдны, да честны и правдивы, нашлось бы и пособіе. Вѣдь и дурная слава о насъ пошла, никто на насъ не полагается, потому что мы промежь себя перекаемся. Давайте, постановимъ приговоръ, что съ этого дня всѣ ручаемся одинъ за другаго въ такихъ-то деньгахъ, по способности и поведенію каждаго. А кто какой поруки заслуживаетъ, пусть разберутъ выборные люди и выдадутъ открытые на годъ листы. А на кого жалоба, долгъ заплатить, самого же изъ поруки вонъ, и взыскивать своимъ манеромъ. Буде же кто

злостный расточитель чужаго добра, того считать вреднымъ міру и сдавать въ царскую службу."

Для начала дѣла дѣдъ первый предложилъ двѣ тысячи рублей изъ собственнаго капитала на десять лѣтъ, безъ процентовъ, въ общій складъ для раздачи бѣднымъ на торговлю, а платить имъ по шести копѣекъ въ годъ съ рубля въ возвратъ собранныхъ денегъ. Приговоръ состоялся единодушно и хранится въ правленіи. Всего сейчасъ было собрано шесть тысячъ пятьсотъ рублей, которые въ послѣдствіи процентами и другими сборами увеличились до тридцати тысячъ.

Съ того времени (это было въ 1794 году) наши крестьяне точно переродились и одинъ предъ другимъ стали хлопотать. Не далѣе какъ черезъ три года на пустой прежде площади выросли лавочки, не только съ мелочнымъ, даже съ краснымъ товаромъ и всѣмъ нужнымъ для крестьянскаго обихода. О кузницахъ и говорить нечего. Вмѣсто прежней обуви стали работать нѣмецкіе сапоги съ вострыми носками и со скриломъ (ихъ охотно покупали и сосѣдніе ломѣщики). Понемногу завелись маслобойни, устроилось нѣсколько небольшихъ кирпичныхъ заводовъ, торговля льномъ и холстами увеличилась. Съ продажей своихъ издѣлій стали выѣзжать и на посторонніе базары.

Оставался дѣдушка бурмистромъ съ 1794 по 1802 годъ, и старался во всемъ завести порядокъ. Такъ онъ ввелъ письменную отчетность по книгамъ, для чего два молодыхъ парня были обучены счетному дѣлу. Умеръ же дѣдъ Петръ Петровичъ въ октябрѣ 1802 года, шестидесяти лѣтъ. Какъ онъ такой у насъ вышелъ? А вотъ какъ. Старшій братъ его много лѣтъ жилъ въ Москвѣ прикащикомъ у одного купца, взялъ туда и брата, который провелъ въ Москвѣ двадцать два года мальчикомъ, потомъ тоже прикащикомъ очень умнаго человѣка, и почерпнулъ отъ него московскій навыкъ къ торговлѣ и прочему. Возвратившись въ село самъ торговалъ. Когда же пріобрѣлъ себѣ во взросломъ сынѣ, моемъ родителѣ, надежнаго помощника, могъ на досугѣ вникнуть въ положеніе односельчанъ, понять ихъ нужды и обдумать средства.

Торговля дѣдушки состояла — зимой, въ покупкѣ льна сланца и ручной крестьянской пряжи. Первый продавался

отчасти на мѣстѣ пріѣзжающимъ изъ разныхъ мѣстъ покупщикамъ, большею же частью вологодскимъ купцамъ для Архангельскаго порта, а въ послѣдствіи и прямо архангельскому дому Половыхъ. А крестьянская пряжа доставлялась на полотняныя фабрики въ Ярославль, Кострому, для полотенъ фламскихъ, равендука и тиковъ. Лѣтними базарами покупались тоже пряжи, болѣе узкіе крестьянскіе холсты, крученые и гладкіе: тѣ и другіе продавались московскимъ купцамъ,—крученые для украинской торговли, гладкіе для Москвы и для казенныхъ поставщиковъ. Оборотъ былъ довольно порядочный: собственный капиталъ дѣдушки считался въ двадцать тысячъ,—большая сумма по тогдашнему времени!

Въ семейной жизни дѣдушка славился хлѣбосольствомъ. Запасу было довольно: пироги разные не переводились, домашняя брага, липовый медъ. Чаю тогда почти не употребляли, но дѣдъ имѣлъ уже мѣдный чайникъ и весь къ нему приборъ, который всегда красовался въ голубомъ за стеклами шкафѣ и вынимался только послѣ бани или съ дороги въ холодную пору, или когда въ праздники послѣ обѣдни приходилъ священникъ съ матушкой и близкая родня. Когда бывали по дѣламъ городскіе гости, мѣдный чайникъ выходилъ на первый планъ. Въ этой компаніи выпивалась чарка наливочки, но во всю жизнь никто не видалъ дѣдушку пьянымъ. Себя и домашнихъ держалъ онъ въ строгой дисциплинѣ. Едва ли не всѣхъ болѣе доставалось моему покойному родителю, который бывъ уже женатымъ въ присутствіи отца все-таки держалъ руки по швамъ. „Идеже страхъ, тамъ и благочестіе“, говаривалъ дѣдушка. И никто не ропталъ, только послѣ матушка при случаѣ поминала что „кормилецъ свекрушко былъ строгонекъ, и чуть замѣтитъ что, взглянетъ такъ что задрожишь, хоть и не дерзокъ былъ на руку“. Наружности дѣдъ былъ красивой, рѣчистъ: „Подъ веселый часъ какъ станетъ говорить, такъ бы все и слушалъ“, разказывалъ мой родитель.

Не задолго до своей кончины былъ дѣдушка въ Москвѣ, молился въ Кремлевскихъ соборахъ и у Троицы-Сергія, и привезъ съ собою маленькій самоваръ, изъ котораго ему кажется не довелось и чайку попить: вскорѣ онъ захворалъ. Предъ смертью дѣдъ велѣлъ подать икону Божіей Матери Казанской, благословилъ отца моего и сказалъ торжественно:

— Ну, любезный сынъ, отъ сего времени ты полный хозяинъ своей жизни. Будь христіанинъ и сынъ православной церкви. Почитай мать и поминай меня, люби жену съ сыномъ, защищай правду. Все имѣніе предоставляю тебѣ, но платье мое праздничное сохрани для внука, пусть помнитъ дѣдушку. На церковь сто рублей, и поламъ сто рублей на поминки, а отцу Семену мою камышевую трость и луховую шляпу. Таковъ мой послѣдній сказъ въ присутствіи Невидимаго Бога.

Слова эти буквально были записаны моимъ родителемъ, и бумажка передана мнѣ матушкой послѣ его смерти. Скончался же дѣдушка принявъ Святыхъ Таинъ, простившись съ домашними, въ полномъ сознаніи: такъ разказывали объ его смерти.

IV.

Родителю моему было тогда ужь около тридцати лѣтъ, и имѣлъ онъ давнишній навыкъ къ торговлѣ. При собственномъ капиталѣ и посторонней довѣренности ему не трудно было вести домъ. Кромѣ его и матушки моей Дарьи Егоровны, насъ было: бабушка Прасковья Ивановна да я, отъ роду двухъ лѣтъ (родился я 5го января 1800). Твердо себя я помню съ четырехлѣтняго возраста. Съ тѣхъ поръ память моя все сохранила. Знаю и хорошо помню наружность своихъ, помню свои тогдашнія удовольствія, непріятности и наклонности, помню строгое преслѣдованіе шалостей покойнымъ родителемъ, иногда лишь дѣлавшимъ мнѣ снисхожденіе въ уваженіе бабушкѣ, которая одна могла доставить отпущеніе грѣхамъ моимъ. Матушка бывало говоритъ: „Ну что это у тебя за манера такая стращать дитя, онъ и такъ уже напуганъ что боится всѣхъ.“ Отвѣтъ короткій:— „Молчать!“ Съ бабушкой иное дѣло. Говоритъ бывало отцу: „Ну ужь, Митя, я натерпѣлась и тогда страху, какъ *тебя* школилъ нашъ покойникъ, такъ теперь не дамъ тебѣ воли. Вѣдь только и есть одно дѣтище. Ну захвораетъ и умретъ“.... .

Отецъ не возражалъ, а только улыбался и отходилъ въ сторону.

Одну мою тогдашнюю шалость никогда не забуду. Въ день сошествія Св. Духа, отецъ съ матерью поѣхали на

храмовой праздникъ въ другое село. Я остался съ бабушкой домовничать. То-то было раздолье! Все утро земли подъ собою не слышалъ, будто по воздуху леталъ, и пришелъ мнѣ на мысль давнишній замыселъ. Товарищи часто хвалились: одинъ то нашелъ, другое иное, показываютъ бывало старый грошъ или ржавый лятакъ отколанный въ землѣ, а мнѣ никогда не доставалось отколать и полушки: нечѣмъ похвастать. Какъ набѣгался я въ этотъ день, пришло мнѣ въ голову: подъ кроватью отца лежатъ мѣшки съ мѣдными деньгами, по двадцати-пяти рублей въ каждомъ.... Вытащилъ я одинъ, развязалъ, вижу: лятаки и гроши Екатерининскіе, всѣ ржавые. Ладно, думаю, и беру сколько захватить могу, стараясь набрать ихъ штукъ побольше. Рядомъ съ нашимъ домомъ былъ пустырь, гдѣ въ старину стоялъ домъ одного зажиточнаго бездѣтнаго старика. Я туда, зарываю въ разныхъ мѣстахъ лятаки и гроши, на каждой кладѣ кладу мѣтки, и иду къ товарищамъ. Тѣ въ бабки играли. Прихожу, и говорю за секретъ: нашелъ-молъ на пустырѣ нашемъ два лятака и грошъ, которые налицо и показалъ. Тѣ сейчасъ бабки бросили, всѣ маршъ на пустырь, и я тоже съ ними. Одинъ тамъ колаётся, другой въ иномъ мѣстѣ, все безъ успѣха; а я что ни колну, то грошъ или лятакъ: всѣхъ привелъ въ изумленіе и самъ пришелъ въ какой-то безотчетный восторгъ. Бабушка въ это время сидѣла на лавочкѣ у нашего дома съ другими крестьянками. Я нѣсколько разъ приносилъ ей свои „находки“, и поднялись въ этой компаніи толки о бывшемъ хозяинѣ пустыря, который де въ самомъ дѣлѣ могъ зарыть въ землю деньги. Между тѣмъ день пошелъ къ вечеру; пріѣхалъ отецъ. Бабушка давай хвалиться моимъ счастьемъ. Отецъ выслушалъ какъ-то холодно, посмотрѣлъ на меня и должно-быть сейчасъ смекнулъ въ чемъ дѣло. Онъ приказалъ работнику убрать лошадь, а самъ пошелъ въ горницу и прямо подъ кровать. Потянулъ одинъ мѣшокъ, другой, видитъ сомнительно въ завязкѣ; сосчиталъ. Недочету до двухъ рублей. Я стою въ сосѣдней комнатѣ ни живъ, ни мертвъ. Вдругъ, слышу зовъ. Вхожу. Отецъ грозно спрашиваетъ, говоритъ:

— Такъ-то находишь деньги! Молодъ еще мошенничать! Сказывай, кто научилъ?

Слезы у меня брызнули, палъ я на колѣни: „Тятенька, голубчикъ! виноватъ! самъ сдѣлалъ, никто меня не училъ.“

И разказалъ, какъ давно уже мнѣ досадно было что товарищи все что-нибудь находятъ, а я ничего. Бабушка и мать смотрятъ, захолонули, ожидаютъ расправы. Но родитель мой, выслушавъ признаніе, только къ бабушкѣ обратился: „Вотъ, матушка, что̀ значитъ безъ надзора дѣти.“

Такъ розги и не были пущены въ дѣло, а велѣно лишь положить предъ образомъ нѣсколько земныхъ поклоновъ.

V.

Бабушку тогда больше всѣхъ я любилъ, но не долго пользовался ея опорой. Въ 1805 году она крѣпко захворала и чрезъ нѣсколько недѣль скончалась. Горько я плакалъ, не о томъ кажется что она померла, а о томъ что безъ нея некому будетъ меня оборонить: мать хоть втихомолку меня и жалѣла, но отцу не смѣла сказать ни слова. Однако, не знаю я ли сдѣлался осторожнѣй, или отецъ снисходительнѣй, только рѣдко случалось мнѣ быть битымъ, развѣ иногда оплошаешь, заиграешься въ бабки и упустишь время обѣда. Да и тутъ выглянетъ бывало въ окошко или выйдетъ за ворота: „Саушка!“ Бросишь все и бѣжишь, станешь какъ вкопанный: „Чего изволите?“ Посмотритъ, если все исправно и не замаранъ, только скажетъ полусердито: „Полудничать время.“ А если испачканъ, задастъ трепку волосамъ.

Разъ только мнѣ жестоко досталось. Сижу я на завалинкѣ, покачиваюсь, и въ ладъ приговариваю одно нехорошее слово, которое гдѣ-то слышавъ, заучилъ не понимая. Отецъ и услышалъ. Подкрался, да какъ вытянетъ меня ремнемъ по слинѣ: „Не смѣй, говоритъ, болтать такихъ словъ.“ Матушка едва водой отпоила, а за что̀ лобитъ, не сказано, и я уже много послѣ разобралъ.

Такъ росъ я до седьмаго года. Любилъ слушать сказки, особенно когда разказывала тетка Даниловна, да чтобы самому вычитывать ихъ изъ книгъ, гдѣ сказывала она ихъ много, втихомолку сталъ учиться грамотѣ, выучилъ азы и нѣсколько даже могъ складывать, но не смѣлъ говорить объ этомъ отцу. Онъ самъ замѣтилъ что я все роюсь въ его книгахъ, которыхъ у него было не мало. Какъ-то въ

веселый часъ онъ вдругъ и спрашиваетъ: „Ты можетъ хочешь учиться?“

Я молчу.

— Что же ты языкъ прикусилъ?

— Да, говорю, тятенька, я бы желалъ.

— Молодъ еще.

Однако изъ первой своей поѣздки въ Ярославль привезъ Часовникъ и Псалтирь. „Ну говоритъ, Саунька, теперь молись Богу, книги готовы, скоро постулишь къ мастеру.“ И точно, дождавшись декабря, въ день святаго пророка Наума, отслуживъ молебенъ, прямо изъ церкви отецъ самъ повелъ меня къ приходскому дьячку Ивану Петровичу. Дали мнѣ азбуку церковной печати и костяную указку. „Мастеръ“ мой (такъ называли у насъ учителя), въ присутствіи отца, взявъ мою руку съ указкой, провелъ первую линію буквъ съ произношеніемъ каждой, я повторялъ за нимъ, потомъ нѣсколько разъ самъ громко выговорилъ „азъ, буки“ и такъ далѣе до „живете“. Тѣмъ и кончился начальный урокъ.

Выучить всѣ буквы и даже двойные и тройные склады большаго труда мнѣ не было, потому что я уже видѣлъ ихъ дома (*Азбучка*, хоть и новенькая, была мнѣ старою знакомой). То и другое скоро было окончено. Но когда дошло до словъ подъ титлами, это какъ-то не клеилось. Я вовсе не понялъ, для чего оно и къ чему, и съ помощью только привычки звуки остались-таки въ моей памяти и я одолѣлъ эту премудрость. Предстоялъ еще подвигъ: выучить грамматическіе знаки, звательства, кавыки, двоеточія, точки; тутъ хотя рѣшительно ничего не понялъ, однакоже памятью усвоилъ. Потомъ взялись за Часословъ и Псалтирь. Я хорошо вытвердилъ всѣ показанныя учителемъ мѣста и читалъ исправно выученные зады, а „мастеръ“ нашъ, Иванъ Петровичъ, лежа на печи, поправлялъ, никогда не смотря, по книгѣ читаютъ или на память. Къ году курсъ моей словесности былъ оконченъ; начался курсъ скорописанья: черточки, кривульки, потомъ буквы и самыя слова, напримѣръ: „Кто имѣетъ Бога, тотъ все имѣетъ.“ Съ полгода чертилъ я и портилъ бумагу...

Въ продолженіе всего моего ученія отцу какъ-то не доводилось проэкзаменовать меня. Вдругъ, помню, въ осенній вечеръ, приказываетъ онъ написать что-нибудь. А у меня

нѣтъ лодъ рукой прописи... Взялъ я перо, не знаю что̀ писать и какъ.

— Что̀ жь ты не пишешь?.. И видитъ что я мнусь.—Ну, пиши: во имя Отца, и Сына и Святаго Духа.

— Я, говорю,—такихъ словъ не училъ.

— Какъ не училъ? Склады училъ, ну и складывай.

А я безъ книги складывать не могу, уставился на перо, не шелохнусь.

Какъ теперь гляжу, родитель мой всталъ, выпрямился, воззрѣлъ на меня.

— Э, любезный, такъ-то васъ обучаютъ. Послѣ этого, знаешь ли ты и читать? Тащи сюда Псалтирь.

Раскрываетъ какъ разъ начало шестой каѳизмы: „Господи, да не яростью Твоею обличиши“, — подходящій текстъ, и мнѣ знакомый, но на этотъ разъ ламять измѣнила отъ страха, въ глазахъ зарябило, такъ что давно выученныя буквы никакъ я не могъ привести въ порядокъ слоговъ... Вотъ тогда-то мнѣ досталось, съ приговоркой: „а еще самъ назывался учиться“ и съ наказомъ въ три дня быть исправнымъ чтецомъ, иначе ожидать еще бо́льшаго наказанія.

Послѣ того дѣло пошло моими собственными стараніями, Иванъ же Петровичъ, несмотря на жалобы отца, продолжалъ слушать зады съ печи. Такъ родитель, положивъ шесть рублей мѣдными въ аккуратненькій мѣшочекъ, приказалъ вручить ихъ „мастеру“ съ поклономъ. Ученіе же мое продолжалось дома. Родитель мой, хотя тоже ограниченнаго ученія, былъ любитель чтенія, не ограничиваясь однѣми духовными книгами. Увлекала его и гражданская словесность того времени, такъ что послѣ него осталось нѣсколько періодическихъ изданій: *Вѣстникъ Европы*, *Почта Духовъ*, *Живописецъ*, а изъ книгъ, помню, были: *Сочиненія Карамзина*, *Кадмъ и Гармонія*, *Золотой Оселъ*, много разныхъ романовъ и театральныхъ піесъ, между прочимъ фонъ-Визина. На получаемыя въ подарокъ деньги я тоже составлялъ свою библіотеку, которую пряталъ на полатяхъ: *Еруслань Лазаревичъ*, *Бова Королевичъ*, *Илья Муромецъ*, *Емеля Дурачокъ*, *Семь Симеоновъ*, и блаженствомъ моимъ было бойко читать все это по вечерамъ домашнимъ, только безъ отца. Ему это мое упражненіе было непріятно, завелъ онъ другое: не позволилъ читать безъ его назначенія гражданскія книги, и

заставилъ ежедневно упражняться въ Священной Исторіи, Четьи-Минеи и Катехизмахъ, требуя въ прочтенномъ изъясненія и награждая за то чашкой чая. И какъ онъ въ разговорахъ жалѣлъ что не въ состояніи выучить меня правиламъ начальныхъ предметовъ грамматики, ариѳметики и правописанія, потому что самъ былъ не обученъ, на селѣ способныхъ къ тому людей не было, а въ городѣ въ училище крѣпостныхъ тогда не принимали! Онъ могъ лишь пріучать меня подъ своимъ наблюденіемъ къ торговлѣ и къ счетоводству по счетамъ.

VI.

Чтеніе подъ надзоромъ родителя и разговоры съ нимъ кажется способствовали къ развитію дѣтскаго моего понятія, и я уважалъ его не только какъ отца, но и какъ знающаго человѣка. Одно только крѣпко меня огорчало. Родитель мой къ несчастью своему имѣлъ гибельную слабость, или, можно сказать, непонятную болѣзнь. Обыкновенно онъ никогда не употреблялъ хмѣльныхъ напитковъ, даже по цѣлому году и больше, но иногда случалось былъ своей болѣзни подверженъ двѣ и три недѣли сряду, до того что все проситъ вина, а кушать хлѣба не можетъ. Если бывало ему откажутъ, или не усмотрятъ, то выбѣжитъ изъ дому въ одной рубашкѣ, и всякому встрѣчному готовъ въ ноги поклониться, дай только ему на вино. Такой солидный человѣкъ за рюмку водки готовъ былъ тогда отдать послѣднее! А послѣ двухнедѣльнаго запоя слабѣлъ, тощалъ, дѣлался совершенно больнымъ въ родѣ горячки; чуть встанетъ съ постели, съ нимъ приладокъ такой что съ трудомъ приводили въ чувство, и всѣ были въ страхѣ, и трепетали за его жизнь. Кожа съ тѣла и даже съ языка лентами сдиралась! Какъ только выносило здоровье!

Правда, по сложенію и по всему отецъ былъ чисто русскій богатырь. Ростомъ два аршина восемь вершковъ, не толстый, но плотный, темнорусые волосы, недлинная окладистая борода, сѣротемные большіе открытые глаза, вся наружность подъ стать его всегдашней поговоркѣ: „будь важенъ безъ гордости, а низокъ безъ подлости“. Одѣвался онъ всегда прилично своему крестьянскому званію и соотвѣтственно кругу знакомства: рубашка красная на вылускъ,

плисовые штаны, суконный камзолъ, салоги козловые (натягивались крючками) и халатъ были его домашнимъ костюмомъ. Въ праздничные дни, въ лѣтнее время онъ носилъ тонкаго свѣтлосиняго сукна кафтанъ и луховую шляпу, зимой — тулупъ суконный на калмыцкомъ мѣху, опушенный бобромъ, опоясанный золотистымъ шелковымъ персидскимъ кушакомъ и высокую круглую бобровую шапку. Въ домѣ онъ любилъ порядокъ, чистоту и опрятность. Ихъ соблюдала мать моя, Дарья Егорьевна, красивая и добрая женщина, которая сама трудилась готовить кушанье и вести въ домѣ обиходъ, но при всемъ томъ занималась и работой, зимой тонкою пряжей, лѣтомъ ткачествомъ полотенъ и платковъ, поэтому имѣла свои деньги на праздничное платье. Тогда носили въ праздники, лѣтомъ, ферязи шелковыя съ позументомъ или кружевомъ, шелковый полушубокъ, на головѣ остроконечный жемчужный кокошникъ, покрытый наметкой или платкомъ; на шею надѣвали жемчужныя нитки и на цѣпочкѣ серебряный крестъ; зимой надѣвали шубейку заячью изъ парчи или штофа, покрывались платкомъ, а если слишкомъ холодно, то сверху натягивали шубку бархатную съ куньею опушкой. Обыкновенное же платье было: бѣлая рубашка, красный кумачный и китайчатый сарафанъ съ луговками, голова же покрывалась сначала повойникомъ, потомъ бумажнымъ или шелковымъ платкомъ. Домъ нашъ былъ въ селѣ изъ первыхъ: каменный, полутораэтажный, лять большихъ окошекъ по лицу, съ двумя чистыми комнатами, а чрезъ сѣни на дворъ кухня съ чуланомъ, внизу двѣ кладовыя со сводами для складки товара. Въ одной чистой комнатѣ принимали гостей, другая служила намъ спальной. При домѣ всегда были работникъ и работница; первый жилъ у насъ около тридцати лѣтъ, работницы иногда перемѣнялись, но одна провела у насъ тоже лѣтъ пятнадцать.

Кромѣ знакомства по торговлѣ, отецъ пользовался большимъ расположеніемъ окрестныхъ помѣщиковъ. Особенно семейство Карновичей и самъ старикъ Степанъ Степановичъ часто посѣщали нашъ домъ, угощаясь чаемъ и мягкими пирогами, которые матушка мастерица была печь. Вообще мы ѣли хорошо: въ скоромный день холодное заливное (студень), вареный окорокъ, потомъ русскіе щи или лапша, жаркое баранина или курица, часто готовился

гусь, утка. Осенью молодые барашки почитались лучшимъ кушаньемъ. Гуси, утки, куры были всегда домашніе; что покупали, обходилось очень дешево, начиная съ хлѣба, который хотя былъ не мѣстнаго урожая, а привозный водой изъ Тамбовской губерніи, но весной по приходѣ судовъ продавался: мука ржаная за куль въ 9 пудовъ отъ 6 до 7 рублей, рожь такого же вѣса отъ 5 до 6 рублей; горохъ кульковый лучшій 80 копѣекъ четверикъ, пшено кульковое отборное тоже; крупа гречишная четверть въ 8 пудовъ 4 рубля; говядина 3 копѣйки; баранина 2 копѣйки за фунтъ; гусь кормленый 30 к.; утка 15 к., курица еще дешевле; яйца 4 копѣйки десятокъ; маслэ коровье 15 копѣекъ фунтъ, постное 5 коп.; привозная красная рыба, осетры и бѣлуга 7 и 10 копѣекъ фунтъ; икра паюсная 15 копѣекъ; медъ лучшій казанскій отъ 6 до 10 рублей пудъ. Все это не на серебро, а на мѣдныя деньги или ассигнаціи. При видѣ этихъ цѣнъ продовольствія за шестьдесятъ лѣтъ и сравнивая ихъ съ цѣнами настоящаго времени, * можно думать что тогда люди были въ лучшемъ довольствѣ.

Утвердительно скажу: нѣтъ. Въ народѣ было тогда больше нужды. Простонародье сѣверныхъ губерній кормилось почти однимъ чернымъ ржанымъ хлѣбомъ и сѣрыми щами, калачъ почитался рѣдкимъ лакомствомъ, пряникъ — богатымъ подаркомъ. Въ крестьянскомъ быту отъ своего скотоводства всѣ молочные сколы, лишняя скотинка, барашки, ягнята, яйца, все продавалось по необходимости, а питались горохомъ, толокномъ да рѣдкой пареной. Наше село не въ счетъ. Промыслы доставляли намъ средства не въ примѣръ лучше другихъ мѣстъ.

VII.

Дѣла по торговлѣ нашей хотя шли заведеннымъ порядкомъ, но не такъ удачно, какъ при дѣдушкѣ. Потонулъ грузъ пшеницы, кое-какіе должники не заплатили, и капиталъ нашъ значительно уменьшился. При всемъ томъ, отецъ не былъ поставленъ въ затрудненіе по своимъ оборотамъ. Крѣпостнымъ состояніемъ своимъ онъ не тяготился, но ча-

* Подлинникъ писанъ въ шестидесятыхъ годахъ.

стенько скучалъ, когда приходилось исполнять прихоти помѣщика, который разъ напримѣръ вызвалъ его въ Петербургъ и держалъ тамъ почти годъ только для того чтобы показать гостямъ „вотъ какіе у меня крестьяне“! Отношенія впрочемъ между помѣщикомъ и моимъ родителемъ были самыя лучшія. Отцу даже поручено было управлять вотчиной и ходатайствовать по дѣламъ въ судебныхъ мѣстахъ, гдѣ подполковникъ затѣялъ какую-то тяжбу съ племянниками, что̀ стоило намъ большихъ хлопотъ и улущеній по торговлѣ, а главное, приказныя пьянки часто вводили отца въ искушеніе выпить.

Въ августѣ 1811 года родитель мой послѣ запоя крѣпко заболѣлъ. Случилось это такъ. Поѣхалъ онъ по своимъ дѣламъ въ Москву. Тамъ, привыкнувъ уже гулять съ приказными, въ веселой компаніи подгулялъ, да и продолжалъ потомъ съ недѣлю пить одинъ. Дошли до села слухи, послали родственника выручать. Человѣкъ онъ былъ видно не такъ-то опытный въ этомъ дѣлѣ, схватилъ отца и помчалъ домой на перекладныхъ-почтовыхъ, не давая дорогой ни отдыха, ни водки. Привезъ въ село такого что съ повозки не могъ сойти. Кровь, говорятъ залеклась, и на этотъ разъ натура не выдержала. Сентября 4го родитель мой скончался на 42 году. Духовнымъ завѣщаніемъ онъ предоставилъ все въ распоряженіе матушки, поручая меня попеченію всѣхъ пріятелей и родственниковъ, а служащему у насъ работнику писалъ: „Михайло, не оставляй сына и будь его руководителемъ въ торговлѣ“.

Съ этого времени началась трудовая полоса моей жизни. Матушка моя, хотя добрая и хорошая хозяйка, въ торговлѣ ничего не понимала, оттого что покойникъ не допускалъ ее до дѣла. На бѣду, въ этотъ годъ почти весь капиталъ нашъ былъ по счетамъ за вологодскими купцами, которые понесли значительные убытки при Архангельскомъ портѣ. Матушка заботилась, хлопотала, нѣсколько разъ сама ѣздила въ Вологду, но плохой имѣла успѣхъ, и выручила всего, помнится, тысячи двѣ ассигнаціями. Мнѣ было тогда одиннадцать лѣтъ, и я тоже не имѣлъ настоящей опытности. Руководитель мой Михайло былъ только вѣрный человѣкъ, самъ-по-себѣ ни на что̀ неспособный. Матушка не довѣряла нашему уму, и держала деньги у себя: только пятьсотъ рублей дала намъ, чтобъ я привыкалъ къ дѣлу. Съ

такимъ капиталомъ обороты сдѣлались мелкими; кончили зиму, прибыли не оказалось. А тутъ наступилъ Двѣнадцатый Годъ... Повсемѣстно упала торговля; что же могло быть съ нашей! Въ селѣ Великомъ тогда не о торговлѣ думали, а о спасеніи, молились Богу, зарывали и прятали имущество, готовились выѣзжать. Мужескій полъ отъ десятилѣтняго возраста до шестидесяти годовъ весь былъ вооруженъ пиками и по ночамъ ходилъ патрулемъ на сторожѣ. Всѣ жизненные припасы подорожали, заработковъ у насъ не было, прежній денежный запасъ каждодневно тратился на необходимыя потребности, такъ-что едва осталось у насъ и пятьсотъ рублей, платить же нужно было казенныя подати и господскій оброкъ неукоснительно, всего до ста рублей. Матушка плакала что деньги выходятъ. Насилу кое-какъ держались, грустя и скорбя о себѣ и при видѣ идущихъ и ѣдущихъ изъ Москвы, спасшихъ только свою жизнь. Вздохнули лишь когда Наполеонъ вышелъ изъ столицы по прежней дорожкѣ и Свѣтлѣйшій сталъ покалачивать его сорванцовъ.

Впрочемъ, всего тогдашняго я не могу передать, потому что мѣстность наша имѣетъ разстоянія отъ Москвы около двухсотъ верстъ, слѣдовательно на долю моей любознательности мало пришлось видѣть замѣчательнаго. Помню только что тѣла мертвыхъ непріятелей, считаемыхъ служителями ада, не предавались землѣ, а кострами положенныя сожигались.

VIII.

Къ исходу осени все затихло, и въ Москву начали постепенно возвращаться жители. Они встрѣтили на своихъ пепелищахъ большой недостатокъ въ продовольствіи и нужныхъ вещахъ къ обзаведенію начальнаго хозяйства, и эта общая потребность повсюду стала извѣстна. Я рѣшился просить у родительницы позволенія, ѣхать мнѣ съ Михайломъ въ Москву съ товарцемъ. Долго не соглашалась, наконецъ отпустила. На двѣсти рублей своихъ купили, да на триста одолжились салогами, чулками, рубашечнымъ холстомъ, мелочью для обихода чернорабочихъ людей. Въ шесть дней нашъ обозъ благополучно доѣхалъ и остановился на постоялыхъ дворахъ у Креста. На утро же явились поку-

латели, и разомъ все начисто разобрали. Получивъ деньги съ хорошею пользой, пошли смотрѣть Москву. Крайняя часть, гдѣ мы пристали, не имѣла почти признаковъ разоренія, но когда пошли дальше за Сухареву внутрь, повсюду опустошеніе. Въ самомъ Городѣ Китаѣ ужасно было глядѣть: обгорѣлые дома, развалины, безъ стеколъ окна, вездѣ по лавкамъ пустота. А какъ увидѣли разрушенный Кремль, дрогнуло сердце и слезы полились ручьями. За полтора-два года съ покойнымъ родителемъ я видѣлъ Кремль во всей его красѣ!

Въ тотъ же вечеръ мы отправились домой. Матушка чрезвычайно обрадовалась нашему возвращенію и удачѣ, когда сосчитавъ деньги увидѣла пользы за всѣми расходами болѣе двухсотъ рублей наличными, я же былъ въ настоящемъ самоуслажденіи. Но когда разказалъ ей видѣнное, всѣ мы навзрыдъ заплакали и забыли полученные барыши....

Однако корысть всегда останется для людей приманкой. Чрезъ мѣсяцъ мы пустились по той же дорожкѣ, съ тѣмъ же запасцемъ, только на этотъ разъ не согрѣшили выгодною продажей, а едва кое-какъ выручили свои деньжонки, даже съ небольшимъ убыточкомъ, потому что нашего товару было навезено изъ разныхъ мѣстъ видимо-невидимо. Въ Москвѣ же уже начиналась жизнь и замѣтное движеніе. А какъ помѣщенія, по недостатку еще жителей, были очень дешевы, то можно было съ небольшимъ капитальцемъ пріискать мѣстечко для торговли. Стоило только завести гдѣ нибудь возлѣ рынка сбитенную лавочку. Такая пришла мнѣ мысль въ голову, и денегъ на это своихъ хватило бы, Михайло же нашъ былъ въ старину сбитеньщикомъ и готовилъ его на славу.

Съ этою мыслью я и уѣхалъ въ село. Подумалъ, подумалъ. Михайло одобряетъ, говоритъ: „съ тобою пойду на это дѣло“; рѣшился сказать матушкѣ. Она ужасно осердилась, закричала что я съ ума сошелъ и запретила поминать о такой глупости, приказавъ: „Дѣдъ твой и отецъ здѣсь вели торговлю, веди и ты“.

Былъ у меня тогда одинъ любимый товарищъ, Никита, немножко постарше меня; вмѣстѣ мы учились у Ивана Петровича, и по праздникамъ онъ всегда приходилъ къ намъ поиграть, сказку почитать. Послѣ отказа матери, я разказалъ ему свой московскій планъ. Онъ смѣтилъ это дѣло,

возьми да скажи своему отцу. Тотъ понялъ. И отправился Никита съ отцомъ въ Москву, дорогой наняли они въ одномъ селѣ сбитеньщика, а недѣли чрезъ двѣ открыли на Моховой лавочку. Чрезъ мѣсяцъ отецъ Никиты возвратился: привезъ мнѣ спасибо за совѣтъ. Чрезъ годъ навернулъ на село Никита: привезъ сайку, пряниковъ, и говоритъ по секрету, что у него теперь три тысячи рублей. Взялъ съ собою брата (ихъ было трое сыновъ у отца), того поставилъ въ сбитенную, самъ открылъ бакалейную, и эти два брата (Лебедевы по фамиліи) лѣтъ въ десять нажили сто тысячъ, выкупились на волю, женились, къ тридцатому году имѣли большой капиталъ и два каменныхъ дома. Въ первую московскую холеру вся семья ихъ вымерла.

Когда доходили до насъ слухи что Никитушка богатѣетъ, я не досадовалъ, напротивъ, въ душѣ гордился что планъ мой и совѣтъ пошли ему въ прокъ и доволенъ былъ тѣмъ что получалъ отъ него письма, иногда кое-какіе подарки. Самъ же я все проживалъ въ селѣ Великомъ, торгуя льномъ и пряжей на копѣйки, больше по окрестнымъ селамъ. Лошадки не на что было купить, поэтому я пѣшечкомъ ходилъ себѣ по базарамъ и ярмаркамъ въ окружности. Что гдѣ успѣешь купить, тамъ и продашь, что возьмешь барыша, съ тѣмъ и возвратишься въ село. Труды мои были тяжкіе, а едва хватало на наше пропитаніе съ матерью.

Время идетъ, впереди нѣтъ ничего. Этакъ въ году весемьсотъ семнадцатомъ, родительница стала намекать на женитьбу. „Ты, говоритъ, на возрастѣ, я нездорова, домикъ у насъ порядочный, дадутъ невѣсту богатую.“

Не хотѣлось мнѣ огорчать мать отказомъ, попросилъ я только чтобы позволила мнѣ предъ тѣмъ сходить пѣшечкомъ въ Москву, помолиться угодникамъ, можетъ и найти что полезное. Родительница на этотъ разъ какъ-то скоро согласилась меня отпустить. Думка же моя была та, что теперь Никита разжился: неужели онъ не одолжитъ мнѣ на мою торговлю рублей триста или двѣсти хоть на одинъ годокъ? Я бы съ этими деньгами нашелъ дѣло.

Въ такой надеждѣ прихожу въ Москву, отыскиваю пріятеля, смотрю: Никита ужь не тотъ. Поздоровался однако, позвалъ въ трактиръ, напоилъ съ дороги чайкомъ, распросилъ о житьѣ моемъ, какъ и что. Я откровенно говорю: „Живемъ попрежнему, трудовъ много, денегъ мало, почти-

что ничего. Будь у меня въ рукахъ сотня-другая, можно бы и въ селѣ нажить колѣйку, а то и всего въ оборотѣ рублей съ полсотни. На нихъ чего купить? Возьмешь барыша рубля три, да и бѣжишь съ этимъ за тридцать верстъ домой."

Хотѣлъ было по старой памяти прибавить, „не одолжишь ли, братъ, на торговлю", но языкъ не поворотился: ожидалъ что старый товарищъ самъ скажетъ, „а много тебѣ надо на нужду?"

Но мой Никитушка смѣтилъ, зачѣмъ я пришелъ, и давай жаловаться, что онъ хоть имѣетъ капиталъ, а въ деньгахъ тоже нуждается, товару де много, наличныхъ почти нѣтъ, а вотъ подходитъ время что надо оправдать свой кредитъ.

Не ожидалъ я такой отговорки, скрѣпилъ сердце, замолчалъ. Никита и спрашиваетъ:

— Долго ты въ Москвѣ проживешь?

— Сегодня же домой.

— Да, говоритъ, въ Москвѣ харчи дорогіе; не шутка и денекъ продневать.

Въ то же время вынимаетъ изъ бокового кармана бумажникъ полнехонекъ ассигнацій. Полѣзъ, вынулъ синенькую пятирублевую, и говоритъ:

— Возьми-ка себѣ на дорогу, да захвати съ собою московскую саечку, нашему учителю Ивану Петровичу: онъ люди еще здравствуетъ?

Я отвѣчалъ что „слава Богу, живъ-здоровъ", сайку взялъ, отъ бумажки отказался. „Благодарю за пріязнь и угощеніе, прощайте, будьте здоровы", и стремглавъ выскочилъ изъ трактира.

Не помню какъ я прошелъ Москвой, какъ очутился за восемнадцать верстъ въ Мытищахъ. Тамъ изъ громоваго колодца вылилъ ковшикъ воды, посидѣлъ немножко, у Троицы-Сергія заночевалъ, спалъ крѣпко, утромъ помолился Угоднику, на третій день явился домой. Матушка не ожидала меня такъ скоро, удивилась даже и спрашивала:

— Да былъ ли ты полно въ Москвѣ?

— Былъ, матушка, только она на этотъ разъ мнѣ не понравилась.

Мать не стала много разспрашивать: рада была что воротился.

(Окончаніе слѣдуетъ).

Н. ЩЕРБАНЬ.

ВОСПОМИНАНІЯ КРѢПОСТНАГО

1800—1868

(ПО ПОДЛИННОЙ РУКОПИСИ)*

IX.

Вскорѣ послѣ возвращенія моего изъ Москвы, нашъ помѣщикъ вдругъ пишетъ приказъ въ вотчину чтобы немедленно собрать оброкъ за два года влередъ и деньги внести полностью въ Московскій Опекунскій Совѣтъ, пожертвованіемъ на какое-то, ужь не помню, благотворительное дѣло; а кто не уплатитъ сполна, того сдать въ солдаты, съ тѣмъ чтобы за такого уплатилъ другой, кто побогаче, и тѣмъ освободилъ себя и семью отъ будущей рекрутчины.

На сходкѣ прочитали приказъ, потолковали, померекали и сдѣлали раскладку сколько съ кого взять: какъ ни плохо житье крестьянское, никому не хотѣлось тогда быть солдатомъ, всякій тянулся, тащилъ свою долю. На меня наложили сто рублей. Наличныхъ было у меня рублей семьдесятъ; матушка дала тридцать изъ своихъ, а чтобы было чѣмъ продолжать торговлю, продала свою жемчужную нит-

---

* *Окончаніе.* См. *Русскій Вѣстникъ*, № 7.

ку за сто-двадцать и отдала выручку мнѣ. Эти деньги меня какъ будто оживили. Повелъ я дѣло бойче, такъ что пріобрѣлъ даже посторонній кредитъ и купилъ себѣ лошаденку. Зимой по обычаю возился я со льномъ и пряжей, на лѣто же снялъ садъ съ яблоками. И такъ удачно это вышло что въ два мѣсяца заработалъ съ товарищемъ, съ которымъ былъ пополамъ, восемьсотъ рублей чистыми.

Тутъ ломѣщикъ опять пишетъ бурмистру: выбрать четырехъ человѣкъ самаго высокаго роста, не старше двадцати лѣтъ, способныхъ ѣздить на запяткахъ за каретой, да четырехъ красивыхъ дѣвушекъ не старше восемнадцати, и всѣхъ сихъ людей лично привезти къ барину въ Петербургъ....

Приказъ, какъ водится, прочитали сходкѣ; перечить никто не посмѣлъ, хотя всѣ были огорчены, особенно у кого молодые сыновья и красавицы-дочери. Родительница моя, тоже испугавшись за меня, заворчала: „Старый грѣхсводникъ! по лѣтамъ-ли ему такъ баловаться?! А что если и тебя, Саушка, по сиротству возьмутъ въ [illegible] проклятые гайдуки?... Я не вытерплю, брошу домъ, поплетусь съ тобою въ Питеръ, буду кланяться, просить чтобъ отпустили тебя ради отца твоего, которымъ баринъ хвалился предъ своими лизоблюдами. Коли же не сжалится, кошкой кинусь ему въ глаза. Суди меня Богъ и Царь! Я мать!“

Въ такомъ азартѣ никогда не видалъ я матушки. Не могъ выдержать, заплакалъ и сталъ потихоньку утѣшать ее, говорл: „Бурмистръ, старый пріятель покойному тятенькѣ, не обидитъ насъ, не выдастъ; а притомъ на селѣ много молодцовъ выше меня ростомъ.“

— Эхъ, Саушка, возговорила матушка, — помнятъ люди пріязнь! Развѣ вотъ что тебя спасетъ: у бурмистра племянница; слышно прочитъ ее за тебя....

Бурмистръ между тѣмъ совѣтовался въ домѣ вотчиннаго правленія со старшинами, изъ какихъ семей взять молодцовъ и дѣвушекъ. Сказывали потомъ что и я былъ назначенъ, но онъ своеручно вычеркнулъ меня изъ списка. Другихъ же молодцовъ и дѣвушекъ отцы сколько его ни угощали, нѣкоторымъ пришлось поплакать при разставаньи, особенно матерямъ за участь дѣвичей красы.

Въ обычныхъ хлопотахъ время шло своимъ чередомъ до 1818 года. Подходила весна. Тутъ матушка опять стала

говорить о женитьбѣ, требуя уже настоятельно, и хотя предоставляя выборъ мнѣ, однако намекая что связь родственная для нашего сиротства необходима. Въ мои лѣта я не имѣлъ еще наклонности къ женитьбѣ; все же обѣщалъ, а о невѣстѣ просилъ дать мнѣ подумать.

Чрезъ малое время пріѣхалъ въ село Великое одинъ тоже нашъ крестьянинъ, Петръ Ивановичъ, но который около тридцати лѣтъ уже былъ главнымъ караваннымъ прикащикомъ при сплавѣ на баркахъ изъ сибирскихъ заводовъ къ Петербургу до полумилліона пудовъ господскаго желѣза ежегодно, и проживалъ въ своей семьѣ не болѣе мѣсяца въ году. Петръ Ивановичъ слылъ добрымъ человѣкомъ и честнымъ; подчиненные служители любили его какъ отца, самъ помѣщикъ уважалъ его и величалъ всегда, лично и въ письмахъ, не иначе какъ „Петромъ Ивановичемъ“; а въ селѣ всѣ кланялись ему въ поясъ. Покойный мой родитель дружилъ съ нимъ, и какъ была у него дочь, всего одна, то часто говаривали: „быть намъ сватами, если Богъ благословитъ“. На дѣвушку эту, годомъ ломоложе меня, я самъ частенько засматривался, вмѣстѣ мы гуляли лѣтомъ, зимой катались на горахъ: но въ теперешнемъ моемъ состояніи не смѣлъ надѣяться на согласіе ея стариковъ....

А все-таки думалось...

Въ бытность тогда на селѣ Петра Ивановича, иду я разъ мимо ихъ каменнаго дома, вдругъ отворяется окно и меня зовутъ. Вхожу, глядь—тамъ матушка, и Петръ Иванычъ говоритъ что все уже ими замѣчено и рѣшено, что, по моей робости и ея вдовству, самъ онъ предлагаетъ упрочить старое знакомство родствомъ.

Такъ мы веселымъ пиркомъ да и за свадебку.... Тесть мой, добрый человѣкъ, кромѣ приданаго, тогда же далъ мнѣ тысячу рублей ассигнаціями на торговлю.

X.

Женитьба въ восемнадцать лѣтъ по мѣстному тогда нашему обычаю была ничуть не диво, но странно кажется мнѣ теперь то, что съ малолѣтства бывъ скромнымъ и покорнымъ мальчикомъ, вдругъ я почувствовалъ въ себѣ противоположную перемѣну, точно получилъ какое-то особое право. То ли было причиной что я имѣлъ въ своихъ

рукахъ тысячу рублей, а подъ бокомъ богатаго тестя, или такъ ужь это въ порядкѣ вещей, что когда человѣкъ женился значитъ самъ сталъ на ноги,—только я очутился совсѣмъ въ другой колеѣ, и началась въ моей головѣ работа. Одна думка смѣнялась другою, каждый день рождались новые планы, въ воображеніи моемъ рисовалась будущность такая отрадная и гладкая какъ будто все отъ одной моей воли зависѣло. Одно слово: во что бы то ни стало я рѣшилъ непремѣнно добиться той степени на которой стояли мой дѣдъ и родитель. Примѣръ ихъ до той поры хранился въ моей памяти нелодвижно, тутъ же вдругъ послужилъ начальнымъ поводомъ къ развитію природнаго честолюбія, которое тогда какъ погонялка вынуждало меня безъ оглядки бѣжать впередъ.

Правда, не было и большаго труда расширить кругъ своей торговли; всѣ выгодныя условія были на моей сторонѣ, практика минувшаго времени дала достаточныя познанія въ качествѣ товаровъ; я зналъ хорошо, когда и гдѣ что лучше купить, а при продажѣ взялъ за правило пользоваться самымъ малымъ барышомъ, лишь бы расположить къ себѣ покупателя и тѣмъ достигнуть частаго оборота.

Увеличивъ свою дѣятельность, при скромномъ поведеніи, я добылъ себѣ кредитъ, такъ что если бывало иногда при покупкѣ товара нѣтъ наличныхъ,—развѣ половину требуютъ, остальную охотно довѣряютъ на срокъ безъ накладки. И до того возрасло ко мнѣ довѣріе, что наконецъ о деньгахъ и рѣчи не было при уговорѣ. Я же всегда хранилъ слово, вѣсъ и мѣру держалъ справедливо, и при разчетѣ не прижималъ.

Такъ успѣшно продолжалось до 1820 года, однако наличный мой капиталъ увеличился лишь немногими сотнями, оттого что понадобились кое-какія перестройки въ домѣ и прибавка домашнихъ вещей. Матушка сначала крѣпко на меня взъѣлась: все ей казалось что я расширяю торговлю не по силамъ, и притомъ гнѣвалась на излишній противъ прежняго домашній расходъ, особенно когда случалось угощать нужныхъ постороннихъ людей. Упреки ея само-собой были не такъ-то пріятны, но я удерживался отъ противорѣчія и продолжалъ вести дѣло по-своему, какъ наладилъ.

Въ ту пору наѣхалъ къ намъ на село мужъ одной изъ наслѣдницъ покойнаго помѣщика, военный генералъ А. съ

супругой. Приняли ихъ какъ слѣдуетъ, а они собрали сходку, и баринъ держалъ рѣчь:

— Надо намъ, ребята, впередъ быть исправнѣе. Пора переговорить съ вами. Напримѣръ, со всего села получается нами оброку въ годъ только двадцать тысячъ. Покойный батюшка, отецъ жены, много лѣтъ давалъ вамъ льготу, да и мы послѣ него продолжали поблажать вамъ два года: ожидали что вы будете признательны и сами увеличите платежъ по телерешнимъ цѣнамъ. Богъ съ вами за прошлое, но вы должны чувствовать нашу ласку, и за нее впередъ намъ постараться.

Бурмистръ и старшины всѣ съ поклономъ отвѣчаютъ что де очень вамъ благодарны за все, молимъ Бога о вашемъ здравіи и чтимъ ламять вашего паленьки.

На это баринъ, улыбнувшись, сказалъ:

— И это, старики, не худо. Спасибо за ламять. Но не забывайте что намъ нужны теперь деньги. Мы не хотимъ увеличивать оброкъ, а вотъ что сдѣлаемъ. Соберите намъ единовременно двѣсти тысячъ рублей, мы же въ теченіе десяти лѣтъ не будетъ ничего съ васъ требовать. Какъ вы люди все зажиточные, исполнить наше желаніе вамъ не трудно. А? Что скажете?

И съ такимъ неожиданнымъ вопросомъ обернулся къ сходкѣ.

Всѣ до того были озадачены, что ни слова не выговорили. Баринъ, принимая молчаніе за знакъ согласія, говоритъ:

— Такъ вы исполните какъ сказано? да?

И тутъ никто не отзывается.

Баринъ снова повторяетъ:

— Смотрите же, мужички, чтобы внесено было исправно!

— Нѣтъ, батюшка, не можемъ!

Этакое слово вдругъ само сорвалось съ моего языка, и въ ту жь минуту изъ разныхъ мѣстъ посылалось какъ изъ мѣшка. Одинъ говоритъ: „Нѣтъ, кормилецъ, шутка ли собрать двѣсти тысячъ! Гдѣ мы ихъ возьмемъ!“ Другой кричитъ: „Мы какіе зажиточные, часто нуждаемся въ рублѣ.“

— А домà-то смотри какіе настроили, усмѣхнулся баринъ.

Тутъ ему загалдѣли:

— Домà, что домà. Это нашъ кормъ. Мы не хлѣбопашцы. Земли у насъ на тысячу триста душъ тысяча-сто-тридцать десятинъ. Питаемся промысломъ, платимъ оброкъ бездоимочно. Чего еще!

И поднялся шумъ.

Услышавъ такой рѣшительный отказъ, баринъ, должно-быть подумавъ „что мнѣ съ этими дураками толковать", посмотрѣлъ на насъ, опять улыбнулся, повернулся, взялъ барыню подъ ручку, приказалъ бурмистру изготовивъ карету подавать лошадей, и сейчасъ уѣхалъ въ Ярославль.

У насъ было отлегло, но не долго порадовались. Наслѣдники получили изъ гражданской палаты свидѣтельство что такое-то ихъ имѣніе не состоитъ подъ запрещеніемъ, и вся вотчина была заложена въ Опекунскій Совѣтъ, а получено денегъ за тысячу триста ревизскихъ душъ по двѣсти пятьдесятъ рублей за душу, всего триста двадцать пять тысячъ ассигнаціями, на двадцать-пять лѣтъ. Чрезъ два мѣсяца вновь собрали сходку, и тогда уже безъ околичности прочитанъ господскій приказъ, въ которомъ на чистоту сказано:

„По случаю займа въ Опекунскомъ Совѣтѣ трехсотъ-двадцати-пяти тысячъ на двадцать пять лѣтъ, процентовъ и погашенія долга требуется около тридцати тысячъ въ годъ, которые поставляется въ непремѣнную обязанность вотчиннаго правленія ежегодно собирать съ крестьянъ, кромѣ прежняго оброка въ двадцать тысячъ; и весь годичный сборъ пятьдесятъ тысячъ разложить по усмотрѣнію нарочно выбранныхъ людей, съ тѣмъ чтобы недоимокъ ни за кѣмъ не числилось, въ противномъ случаѣ, подъ отвѣтственностью бурмистра, неплательщики будутъ, молодые— безъ очереди сданы въ солдаты, а негодные на службу— отосланы на работу въ сибирскіе желѣзные заводы."

XI.

Въ безмолвной тишинѣ, прерываемой вздохами, окончилось чтеніе грознаго приказа...

Въ этотъ моментъ въ первый разъ въ жизни почувствовалъ я прискорбность своего крѣпостнаго состоянія! Тогда-то въ неопытномъ моемъ понятіи въ первый разъ представился ужасный вопросъ: „Что же такое мы?!" Крѣпко рвалось мое сердце, понуждая меня высказаться, но посмотрѣвъ вокругъ на грустныя лица и слыша одинъ только

робкій шелотъ. я успѣлъ удержать и затаить въ себѣ свой порывъ.

Нечаянность эта и не одного меня ошеломила; такой огромный налогъ всѣхъ устрашилъ до крайности. Казался онъ намъ и незаконнымъ. Но что же было дѣлать? Въ то время подавать жалобы на господъ крестьянамъ строго воспрещалось; самовольно отказываться отъ платежа—значило только опозорить себя званіемъ бунтовщиковъ; заупрямившись—подвергнуться тяжкому наказанію и военной экзекуціи, которая разоритъ въ конецъ. Сходка окончилась тѣмъ что въ платежѣ требуемаго мы составили на самихъ себя по формѣ приговоръ, согласно полученному приказу, возлагая надежду на помощь Божію. Никому вѣдь не хотѣлось лишиться родины: лучше отказаться отъ праздничнаго куска, лишь бы избавиться опалы. Утѣшеніемъ послужило то что не стѣсняется хоть свобода наша въ промыслахъ.

При всей общей тяжести, наша семейная жизнь, благодаря Всевышняго, не влала въ крайность; торговля моя шла своимъ порядкомъ, не было нужды въ продовольствіи, и наложенный на меня оброкъ, около двухсотъ рублей ассигнаціями, всегда я платилъ своевременно. Только все раздумывалъ: какъ же это баринъ съ нами поступилъ? И сталъ приглядываться, чего доселѣ не приходило въ голову, къ окрестному крестьянскому быту.

XII.

Вышло что намъ еще ничего.

Былъ у насъ не очень дальній сосѣдъ, Иванъ Ивановичъ **, кутила первой руки, охотникъ до красотокъ изъ города. Жилъ онъ постоянно въ деревнѣ, деньги съ крестьянъ бралъ безъ счета и безъ опредѣленной мѣры: какъ потребуетъ—неси, не то порка.

Такъ этотъ, пожилой уже баринъ, своихъ крѣпостныхъ обиралъ да поролъ за дѣло и безъ дѣла, пока тѣ наконецъ взбѣленились и полѣзли на стѣну... Иванъ Ивановичъ видитъ что дѣло плохо, и поладилъ съ мужиками: выкатилъ имъ два боченка водки, побожился что впередъ не обидитъ. Народъ и тому радъ. Только какъ былъ Иванъ Ивановичъ большой волокита, то въ шутку и прударь онъ по близо-

сти за одною барышней небогатаго семейства. Тамъ смекнули что гуся этого хорошо бы заманувъ изловить, до поры до времени смотрѣли на его шалости сквозь пальцы, да потомъ застукали молодца и принудили жениться. А какъ въ молодости своей Иванъ Иванычъ успѣлъ надѣлать столько долговъ что никогда не могъ ихъ уплатить, дѣла его экономіи были плохи, съ крестьянъ же взять уже нечего, то по совѣту тестя заплылъ онъ въ Опекунскомъ Совѣтѣ подъ залогъ тысячи двухсотъ душъ не знаю сколько-то, что-то много.

Дымъ потелъ коромысломъ: гости да въ гости, нужно и въ городѣ ложить, экипажи, вечера, экипировка, — на все подавай деньги; только на хозяйство ихъ не хватаетъ: хозяйство и осталось попрежнему. За пять лѣтъ проценты и погашеніе выплатили, потомъ весь долгъ и сѣлъ, какъ у насъ, на шею крестьянъ, не имѣвшихъ нашихъ промысловъ.

Это еще человѣкъ не злой, а только баловень, безпечный вѣтрогонъ и дрянной хозяинъ. Другой сосѣдъ инаго цвѣту, Левъ Петровичъ ***, древняго боярскаго рода, владѣлецъ трехсотъ душъ и многихъ отхожихъ лѣсныхъ дачъ. Въ молодости онъ гдѣ-то служилъ, дослужился до провинціальнаго секретаря, терся около знати, искусно передергивалъ карты, такими продѣлочками нажилъ себѣ порядочное количество билетовъ Сохранной Казны, женился и поселился въ своемъ сельцѣ *. Несчастная жена его, измученная жестокимъ обращеніемъ, на третій годъ померла, оставивъ сына Леонида Львовича, который въ подросткахъ еще не поладилъ съ отцомъ, уѣхалъ въ городъ къ теткѣ и тамъ въ послѣдствіи нашелъ себѣ невѣсту.

Послѣ смерти жены Левъ Петровичъ мало того что все поревалъ и выгонялъ мужиковъ своихъ на облаву, но вынуждалъ всѣхъ молоденькихъ крестьянокъ чередоваться у него ночнымъ дежурствомъ, за ослушаніе же наказывалъ розгами или на цѣлый мѣсяцъ надѣвалъ на шею желѣзную рогатку.

Крестьяне вышли наконецъ изъ терпѣнія и чрезъ близкихъ барину псарей объявили что имъ не въ моготу, и что если грѣхъ будетъ продолжаться, то найдутъ на него свою расправу.

Сначала Левъ Петровичъ было погорячился, хотѣлъ всѣхъ передрать, но раздумалъ что нѣтъ подъ рукой надежныхъ людей и, чего добраго, самому достанется, какъ былъ при-

мѣръ въ Переяславльскомъ уѣздѣ, гдѣ мужики втихомолку добравшись до барина съ барыней оставили ихъ еле-живыхъ. Ночныя дежурства прекратились, а женился онъ во второй разъ не на дворянкѣ: никто не выдалъ бы за него свою дочь, не взирая на капиталъ его, и ни одна благородная дѣвица не позарилась бы на него, черномазаго, у котораго всего разговору было только что любимая его поговорка: „охъ, дѣла дѣланскія, земля земляская, народъ все христіанскій".

За деньги черезъ услужливыхъ негодяевъ обвѣнчался онъ на городской мѣщаночкѣ. Эту жалкую жертву привезъ въ свою усадьбу, засадилъ въ тѣсный флигелекъ, и несчастная томилась тамъ около пятнадцати лѣтъ, подаривъ мучителю двухъ сыновъ.

Левъ Петровичъ между тѣмъ, оборвавшись на дежурствахъ, долекалъ своихъ крестьянъ по хозяйству. Экономическая залатка его была не такъ-то велика и мужикамъ не лиха бѣда ее обработать, но онъ изнурялъ ихъ другими тягостями: рубкой въ лѣсныхъ дачахъ дровъ и отправкой слишкомъ за двадцать верстъ въ городъ; оброкомъ деньгами и льномъ; каждой бабѣ опредѣлилъ, зимой—спрясть столько-то талекъ, лѣтомъ—выткать и выбѣлить столько-то аршинъ полотна, набрать столько-то фунтовъ грибовъ и вишень; каждой семьѣ—принести столько-то яицъ и масла. Сверхъ того, ни одна свадьба не могла состояться безъ разрѣшенія Льва Петровича, за которое—особая подать деньгами, льномъ и домашнимъ холстомъ. И такой онъ былъ мастеръ своего дѣла, что увидитъ у крестьянъ удачный всходъ льна, замѣтитъ себѣ, а когда продадутъ—у всѣхъ по одиночкѣ отберетъ полученную выручку, подъ предлогомъ что „на сохраненіе", приговаривая: „ты дуракъ пропьешь, у меня цѣлы будутъ". Иной ломается, выставляетъ нужду—лошаденку купить, или что-нибудь для домашняго обихода: „Потеряешь деньги, каналья, говоритъ Левъ Петровичъ, а понадобится лошадь — я дамъ". Или просто скажетъ: „Болванъ! видно захотѣлось березовой каши".

Ну словомъ, крестьяне дошли до того что ужь не радѣли о своемъ домашнемъ хозяйствѣ, „потому что все равно—Левъ Петровичъ узнаетъ и себѣ возьметъ". Ябедникъ тоже былъ онъ исправный, такъ что его опасались и посторонніе люди. Изъ многихъ штукъ приведу одну.

Былъ у него не молодыхъ лѣтъ крестьянинъ-бобыль. Этотъ человѣкъ держался раскола, часто ходилъ „странникомъ“, и проживалъ иногда по близости въ одномъ селѣ у своихъ одновѣрцевъ. Взять съ него было нечего, такъ вотъ какую придумалъ Левъ Петровичъ каверзу. Подалъ онъ въ земскій судъ явочное прошеніе, что „такой-то его крестьянинъ Иванъ Кондратьевъ такого-то числа и мѣсяца скрылся неизвѣстно куда“, тогда какъ ему очень вѣдомо было, что онъ то дома по избамъ таскается, то гоститъ у своихъ одновѣрцевъ, которые принимая его не могли считать бѣглымъ, такъ какъ знали его родину въ шести всего верстахъ отъ себя и вѣдали что онъ ее не покинулъ, а бродитъ себѣ промежь ней и ими. Прошло послѣ явочнаго прошенія не мало времени. Иванъ Кондратьевъ все ходитъ взадъ и впередъ, изъ села къ одновѣрцамъ; вдругъ подаетъ Левъ Петровичъ въ тотъ же земскій судъ прошеніе, что „бѣглый его крестьянинъ такой-то укрывается тамъ-то“, и проситъ „произвести обыскное слѣдствіе“.

Командировали чиновника, схватили Ивана Кондратьева въ самомъ молитвенномъ домѣ. Улика налицо; забрали нѣсколько человѣкъ „укрывателей“, да вмѣстѣ съ Иваномъ въ городъ, къ суду. Левъ Петровичъ потребовалъ съ крестьянъ двѣ тысячи рублей, однако какъ членамъ суда была тутъ своя большая пожива отъ раскольниковъ, то они крутили-вертѣли, и свели на мировую въ шестьсотъ...

Вотъ тебѣ и Иванъ Кондратьевъ! Долго его помнили; а Левъ Петровичъ только посмѣивался, приговаривая: „Мужика надо учить чтобъ умнѣе былъ“. За то бывало пріѣдетъ онъ къ намъ на базаръ: сосѣди-помѣщики, встрѣчаясь, лѣнятся поклонъ ему отдать...

Однако и онъ за годъ до смерти подобрѣлъ, дворовымъ людямъ выдалъ вольныя, съ мужиковъ пересталъ дѣлать прежніе поборы, даже нѣкоторымъ бѣднякамъ выдалъ со скотнаго своего двора кому лошадь, кому корову, а кому далъ лѣсу на постройку и немножко деньжонокъ.

Хорошъ Левъ Петровичъ, но были обращики и почище. Одинъ старый вельможа съ ватагой дармоѣдовъ переселился на жительство въ свою усадьбу и завелъ псовую охоту. Разъ крестьянскій мальчикъ (у него тамъ было три тысячи душъ) зашибъ по глупости камешкомъ ногу борзой собаки изъ барской своры. Баринъ какъ увидѣлъ что

его *Налетъ* хромастъ, разгнѣвался: спросъ, „кто изувѣчилъ собаку?“

Псари должны были указать. Привели мальчика, тотъ сознался.

Велѣно на утро быть готовымъ къ охотѣ въ полномъ составѣ. Выѣхали въ поле, около лѣсу остановились, гончихъ пустили, борзыхъ держатъ на сворахъ. Тутъ привезли мальчика. Приказано раздѣть, и бѣжать ему нагому по полю; а вслѣдъ за нимъ со всѣхъ своръ пустили въ догонку собакъ: значитъ, травить его.

Только борзыя добѣгутъ до мальчика, понюхаютъ и не трогаютъ... Подоспѣла мать, лѣскомъ обѣжала и ухватила свое дѣтище въ охапку. Ее оттащили въ деревню и опять пустили собакъ. Мать помѣшалась, на третій день умерла.

Говорили что обо всемъ узналъ императоръ Александръ Павловичъ, и повелѣлъ судить барина: но тотъ, свѣдавъ что дѣло дошло до государя, самъ наложилъ на себя руки.

Или вотъ еще вспомнилъ двухъ братьевъ А. и И. Б., правда, не нашей мѣстности, но слухомъ земля полнится, о нихъ дотло и до насъ.

Эти два брата, Т—скіе ломѣщики, были основателями, въ 1755 году, знаменитыхъ въ послѣдствіи Ш—скихъ заводовъ, имѣвшихъ громадныя владѣнія и доставлявшихъ чрезвычайный доходъ. Особенно способный изъ нихъ былъ И., человѣкъ предпріимчивый, за то же и въ высшей степени корыстный и великій мастеръ присваивать себѣ чужую собственность не разбирая средствъ. Людей своихъ онъ всѣхъ вооружилъ и самъ былъ какъ бы ихъ атаманомъ, всегда разъѣзжая съ шайкой въ двѣнадцать отборныхъ молодцовъ и распоряжаясь какъ разбойникъ. При начальномъ устройствѣ заводовъ, много смежной земли и лѣсовъ принадлежало касимовскимъ Татарамъ, которые не соглашались продать ихъ: такъ онъ самовольно рубилъ и жегъ лѣса, и многихъ при этомъ перебилъ. Доставалось и сосѣднимъ ломѣщикамъ, чья земля понадобилась или приглянулась. Сторгуется не жалѣя цѣны, совершитъ запись, зазоветъ къ себѣ для полученія денегъ, вручитъ все сполна и угоститъ на славу: а вечеркомъ, какъ сытый и пьяный гость съ казной отправится домой, нарочно поставленные молодцы дорогой его ухлопаютъ, деньги же назадъ барину, который награждалъ за это щедро. Противиться ему, или вывести

наружу самоуправство, никто не смѣлъ: въ городскихъ судахъ на него не было управы, доходило до сената, и тамъ тоже куплена была сильная протекція. Въ заводской конторѣ должно храниться до сихъ поръ письмо сенатора Л*, который предостерегал И. Б, писалъ: „Ванька, твои дѣла поганы, перестань проказничать, а то тебѣ худо будетъ, да и намъ не сдобровать, попадемъ въ опалу."

А тотъ все-таки не унялся, и свидѣтелями его злѣйствъ—тѣ скелеты, которые потомъ найдены были однажды въ стѣнахъ при ломкѣ стараго заводскаго строенія.

Однако и то скажу, это злоупотребленія: но изъ ломѣщиковъ много было умныхъ, полезныхъ и заслуживающихъ уваженія господъ, а въ другихъ званіяхъ тоже творилось лихое. Вотъ тому примѣръ изъ тѣхъ же Ш—скихъ заводовъ.

Въ 1783 году все имѣніе было раздѣлено между братьями Б. Ивану досталось четыре завода, полтораста тысячъ десятинъ земли, въ томъ числѣ около ста десяти тысячъ лѣсу, восемнадцать тысячъ душъ крестьянъ, изъ которыхъ девять тысячъ мастеровыхъ, производство въ милліонъ двѣсти тысячъ оборотнаго капитала и двѣсти тысячъ рублей чистаго дохода. Послѣ его смерти все это перешло къ единственной его дочери, выданной замужъ за генерала Д. Д. Ш., который сначала хорошо принялся за дѣло, но скоро наскучилъ хлопотливымъ занятіемъ, такъ что при немъ уже денежная часть разстроилась и потребовался заемъ восьмисотъ тысячъ рублей изъ Опекунскаго Совѣта. Почти вся эта сумма пошла на постройку въ заводѣ громаднаго театра и на содержаніе труппы заграничныхъ актеровъ. Дѣла же заводскія очутились исключительно въ рукахъ крѣпостныхъ людей, причемъ надъ ними не было правильнаго наблюденія и надзора, а одна безтолковая строгость. Порядокъ заводскаго производства соблюдался только по наружности, скрытно допускались всякія недобросовѣстныя продѣлки и расхищеніе. Послѣ смерти генерала, наслѣдство приняли въ свое личное завѣдываніе два его сына, Иванъ и Николай, господа образованные и въ чинахъ, которые тоже не обратили надлежащаго вниманія на хозяйственную часть. Меньшой, Николай, не захотѣлъ даже лично участвовать въ управленіи и довѣрилъ его брату и зятю. Дѣятельность ихъ

по заводу ограничилась подписью конторскихъ бумагъ безо всякаго разсмотрѣнія.

Вотъ тутъ-то и показалъ себя одинъ мужичокъ. Въ главномъ заводѣ много лѣтъ былъ въ литейномъ домѣ цѣловальникомъ одинъ елабужскій мѣщанинъ С*. Онъ пріохотилъ къ себѣ заводскихъ рабочихъ пріемомъ краденыхъ вещей, тѣмъ составилъ себѣ хорошее состояніе, и стакнулся съ управляющимъ, изъ заводскихъ крѣпостныхъ, обмануть хозяевъ. Тогда былъ неурожай на хлѣбъ, цѣны ржаной муки доходили до рубля *серебромъ* за пудъ, желѣзо напротивъ подешевѣло. С* съ управляющимъ и состряпали контрактъ, который подсунули къ подписи и который давалъ С* поставку муки въ заводъ *на три года*, по пятидесяти тысячъ пудовъ въ годъ, съ тѣмъ что за муку уплачивать С* желѣзомъ, пудъ за пудъ, такихъ сортовъ какіе ему понадобятся. Въ первый годъ заводъ потерялъ не много, но въ слѣдующіе два, когда хорошіе урожаи понизили муку до двадцати пяти копѣекъ за пудъ, а желѣзо поднялось, пришлось терять на немъ почти по девяносто копѣекъ на каждомъ пудѣ.

Замѣтивъ ошибку, хозяева пошли было на попятный дворъ, но С* по суду заставилъ заводское управленіе исполнить контрактъ: уголовное слѣдствіе открыло грѣхи за управляющимъ, и его, наказавъ плетьми, сослали въ Сибирь на поселеніе, но гражданская сдѣлка осталась въ своей силѣ. Другія дѣла С* тоже были кляузныя, что̀ не помѣшало ему выйти въ люди и при могучемъ посредствѣ тогдашняго воротилы З* получить сначала медали, потомъ и Анну на шею.

Однако Богъ его ждалъ и покаралъ: какъ онъ собрался ѣхать къ своему покровителю съ поклономъ за орденъ, вдругъ изъ гортани хлынула кровь, и онъ въ тотъ же часъ скончался. Имѣніе, нажитое какъ сказано, послѣ смерти грѣшнаго пріобрѣтателя растаскали кто какъ властенъ, а семья осталась въ Москвѣ почти что въ бѣдности.

О заводахъ этихъ кстати прибавлю: чѣмъ дальше, тѣмъ было хуже. Такимъ манеромъ масса долговъ увеличилась до того что пресѣкся всякій кредитъ и съ трудомъ уплачивались проценты по займу Опекунскаго Совѣта. Кончилось тѣмъ что это богатѣйшее имѣніе, гдѣ лѣса и рудники для заводской потребности были подъ рукой, съ заводами въ

центрѣ Россіи и близкомъ разстояніи отъ Москвы и Нижегородской ярмарки, при доставкѣ туда и сюда водой,—оказалось несостоятельнымъ, и въ 1846 году все поступило въ опекунское управленіе.

XIII.

Въ этихъ примѣрахъ выведены помѣщики и крестьяне; а изъ купцовъ что̀ дворянъ халтъ и на мужиковъ кричатъ развѣ нѣтъ тоже уродовъ?

Передамъ свѣдѣніе объ одной бывшей московской знаменитости, суконкомъ фабрикантѣ П. М. А*. Качествомъ его производство было безукоризненное и пользы ему доставляло весьма хорошія, но жадность корысти не удовлетворялась честнымъ трудомъ. Захотѣлъ А* разбогатѣть вдругъ: ни съ того, ни съ сего—объявляетъ себя несостоятельнымъ.

Сошло съ рукъ, тѣмъ легче что сдѣлка не была слишкомъ убыточна для кредиторовъ и всякому извѣстная дѣятельность должника подавала надежду имѣть отъ него выгоду въ будущемъ. У А* же иное на умѣ. Увидѣвъ удачу перваго опыта, при пособіи двоихъ сообщниковъ онъ повелъ свои конторскія книги въ двухъ видахъ: въ одномъ писалъ настоящее, въ другомъ—съ выводомъ мнимыхъ убытковъ, и съ такимъ коварствомъ велъ свои дѣла около десяти лѣтъ, въ теченіе которыхъ успѣлъ вездѣ добыть себѣ свободный кредитъ. Когда онъ хорошо имъ попользовался, онъ и приглашаетъ циркулярными записками всѣхъ своихъ кредиторовъ пожаловать къ нему на вечеръ. Тѣ, ничего не понимая, однако чуя недоброе, всѣ налицо кто жилъ въ Москвѣ явились. Видятъ, готовится какое-то непріятное угощеніе, потому что принимаютъ гостей два прикащика (тѣ самые сообщники), а самъ хозяинъ показался лишь когда всѣ съѣхались. Прикидываясь полубольнымъ и съ личиной душевнаго прискорбія, началъ онъ сцену поклономъ, потомъ съ притворною робостью смиренно объяснилъ что по затруднительности своего положенія не можетъ очистить вдругъ своихъ долговъ, простиравшихся до двухъ милліоновъ, въ доказательство чего представилъ книги: дефициту выведено милліонъ....

Кредиторы пошумѣли, посмотрѣли, поворочали листы,

лоходили по комнатамъ, померекали такъ и сякъ, и кончили тѣмъ что согласились разсрочить уплату на четыре года.

Ладно. Дѣло опять пошло, а въ первый же срокъ — ни шиша. Думали, толковали, рѣшили: А* точно не въ состояніи отвѣчать полнымъ рублемъ, такъ черезъ годъ получить съ него по полтинѣ. Одинъ небогатый кредиторъ такъ былъ пораженъ безсовѣстнымъ грабежомъ что, возвращаясь домой, бросился съ Каменнаго моста и утопился.

Съ нашего молодца это какъ съ гуся вода. Онъ не выполнилъ и новыхъ обязательствъ, хитростью вымучилъ у кредиторовъ учрежденіе надъ его дѣлами администраціи, самъ втерся въ главное распоряженіе по фабрикѣ, долги уплачивалъ доходами съ нея, и въ концѣ-концовъ почти ничего не заплатилъ: милліонъ остался въ карманѣ.

Да, нечего сказать, ловко провелъ людей: но обманулъ ли Бога? Правосудіе Его вдругъ поразило А* мучительною болѣзнью; семь лѣтъ былъ онъ живымъ мертвецомъ, никакія врачебныя пособія не помогли, три года сряду не могъ онъ ничего ѣсть кромѣ ложки бульйона, искалъ спасенія по монастырямъ, одинъ даже обогатилъ своими щедрыми приношеніями,—и умеръ въ адскихъ страданіяхъ. А послѣ его кончины милліонъ достался частью сообщникамъ его воровства, частью отдаленнымъ родственникамъ, потому что А* былъ не женатъ, и своей семьи не имѣлъ.

Другой еще случай приломинаю изъ кулеческаго быта.

Два брата были богачи и радушные хлѣбосолы, что дѣлало имъ честь: только хлѣбосольство ихъ не ограничивалось радушнымъ гостепріимствомъ, а состояло въ увлеченіи барскими прихотями,—не для себя по вкусу: для того только чтобы послѣ роскошнаго обѣда щеголять предъ гостями антиками въ которыхъ ни тотъ, ни другой ничего не понимали. Кромѣ того, одному изъ братьевъ вздумалось блеснуть оранжереей, которая обошлась въ пятьдесятъ тысячъ, другой выстроилъ при фабрикѣ стотысячный домъ, не для постояннаго житья, а на время своего туда пріѣзда, да маменька ихъ, изъ суетнаго тщеславія, поусердствовала: въ * монастырѣ возвела на свой счетъ огромную пятиглавую церковь—тысячъ тоже болѣе чѣмъ во сто серебромъ.

Такъ мотали, мотали, когда дѣла были уже сильно разстроены, кредиторовъ и оставили на бобахъ.

Или еще былъ въ Москвѣ одинъ первой гильдіи купецъ

П. И. Кж., который велъ большую торговлю чаемъ. Онъ черезъ прикащиковъ размѣнивалъ въ Кяхтѣ, а здѣсь лично производилъ оптовую продажу, не довѣрял никому отпускъ ни одного цыбика. Такой былъ подозрительный и скупой что самъ каждодневно ходилъ на рынокъ за провизіей для семейнаго продовольствія, которое въ будни ограничивалось расходомъ меньше рубля ассигнаціями. Стряпня и все въ домѣ исполнялось одною кухаркой, въ праздники пироги готовила сама хозяйка, безпрекословно исполнявшая наказы своего благовѣрнаго, который тогда только былъ доволенъ когда урывалъ гдѣ изъ самаго нужнаго копѣйку экономіи. Скаредъ былъ неимовѣрный! Кяхтинскіе его довѣренные возвращались въ Москву всегда въ апрѣлѣ мѣсяцѣ съ личною отчетностью. Въ этой отчетности нельзя было писать расходъ въ настоящемъ видѣ: съѣстъ! Нужно было лукавить и сокращать всѣ цифры на показъ строжайшей во всемъ бережливости, иначе самый честный и дѣйствительно бережливый человѣкъ полетитъ съ мѣста.

Поневолѣ усвоивалась привычка обманывать, наверстывая передержку противъ показаннаго сторопой. Одинъ изъ прикащиковъ самъ мнѣ говорилъ что когда они возвращались изъ Кяхты въ Москву и проживали въ Москвѣ за покупкой для Кяхты товаровъ, то секретно получали съ продавцевъ верховые проценты, которыми и покрывали невыставленные по счету хозяйскіе расходы: то же и въ Кяхтѣ дѣлали при размѣнѣ, такъ что и на ихъ долю оставались частицы равныя всему ихъ жалованью. А въ три мѣсяца что̀ жили они въ Москвѣ въ хозяйскомъ домѣ, должны были дровъ наколоть на цѣлый годъ, дворъ и конюшни вычистить, предъ домомъ мостовую починить, всѣ черныя работы лично исправить и тѣмъ доказать свою рачительность о соблюденіи хозяйскихъ интересовъ. Не то — разчетъ, съ ласковымъ присловьемъ: „Ну, любезный, я разчитываю васъ за то что вы при моихъ глазахъ не хотѣли потрудиться: посудите сами, какъ же я могу надѣяться на вашу злочную службу?“

Такъ скаредничалъ Кж. не для обезпеченія семейства и будущаго потомства, а только для того чтобы, раскрывъ сундукъ, полюбоваться на мѣшки съ золотомъ и посчитать билеты Сохранной Казны. Отъ него не переладало ни церкви, ни страждущимъ, ни благотворительнымъ заведеніямъ. Даже

въ общихъ ложертвованіяхъ никогда онъ не участвовалъ. А семейство! Онъ не допускалъ домашнимъ пользоваться самыми скромными удовольствіями, ворота всегда на запорѣ, вечеромъ ни входа, ни выхода ни своимъ, ни постороннимъ, и единственнаго своего сына и наслѣдника лишилъ образованія, ограничивъ его умѣніемъ читать, писать, выкидывать на счетахъ. На семнадцатомъ году отъ роду женилъ онъ сына на дочери любимаго своего прикащика В. И. Ш., для того только чтобъ избѣжать расходовъ на свадьбу и потому что невѣстка изъ небогатой семьи послушнѣе привыкнетъ къ заведенному въ домѣ порядку... Одно слово, семейство смотрѣло на него какъ на притѣснителя и ждало его смерти какъ праздника.

Въ 1819 году кривая и пришла. Оказалось товаровъ и билетовъ на шестнадцать милліоновъ ассигнаціями, да четыре милліона въ Сохранной Казнѣ на особомъ условіи, чтобы наслѣдникъ получалъ съ нихъ одни проценты, а самый капиталъ оставался (тоже изъ процентовъ) для будущаго потомства. Все это досталось единственному и совершеннолѣтнему сыну, который при жизни отца не смѣлъ однимъ рублемъ распорядиться. И вдругъ у него милліоны!

У опытнаго даже человѣка закружилась бы голова, что же у кулеческаго сынка въ отцовской зависимости не знавшаго даже о театрѣ?...

Тутъ подвернулся одинъ тоже молодой купчикъ Кв., избалованный малый, которому не много стоило труда расположить къ себѣ недалекаго Кж. Онъ въ короткое время свелъ его съ компаніей кутилъ и постепенно вовлекъ въ распутство. Началось съ того что торговля была поручена тестю, вѣрейскому купцу В. И. Ш., который, видя лишь свой интересъ, не позаботился поддержать зятя, а даже самъ принималъ участіе въ гульбѣ. Въ два года Кж. и Кв. прославились своими проказами. Разъ они, напоивъ одного архимандрита, прокатили его по городу съ тыквой на головѣ вмѣсто клобука.

За эту дерзкую шалость Кв., какъ главнаго зачинщика, отдали въ солдаты. Кж. отдѣлался деньгами, и оттого вошелъ въ такой форсъ что даже имѣлъ потомъ наглость, будучи почетнымъ членомъ Московской Коммерческой Практической Академіи и узнавъ что она нуждается въ средствахъ, въ 1824 году предлагать тридцать

лять тысячъ рублей съ тѣмъ чтобъ ему исходатайствовали Владиміра 4й степени или хоть Анну 3й. Разумѣется ему не удалось, такъ онъ ограничилъ свое пожертвованіе только двумя стами рублей.

Однако глупое честолюбіе его пошло на пользу. Задѣтый за живое отказомъ богачъ захотѣлъ во что бы то ни стало имѣть орденъ. Для этого онъ выстроилъ образцовую суконную фабрику, которую разчетливый хозяинъ ни за что бы не поставилъ: купилъ С., загородную дачку въ семи верстахъ отъ Москвы, возвелъ тамъ фабричные корпуса, для жилья дома въ готическомъ вкусѣ, выписалъ тайкомъ изъ Англіи паровыя машины и всѣ фабричныя принадлежности, которыя тогда весьма трудно было имѣть (потому что вывозъ ихъ изъ Англіи безусловно былъ запрещенъ, и Кж. добился ихъ лишь за большія деньги); пустилъ фабрику въ ходъ. Сукна оказались лучшаго качества; тѣмъ прославился, и добился-таки Владиміра, а государству принесъ выгоду.

Самъ же Кж. не вывезъ. Можетъ-быть при поддержкѣ тогдашней тарифной системы и получилъ бы барышъ, но лично онъ дѣломъ не озаботился, а поручилъ управленіе фабрикой человѣку безпорядочному и корыстолюбивому, такъ что къ 1830 году десять милліоновъ здѣсь ухнуло. Фабричное движеніе остановилось. По просьбѣ Кж. завѣщанный неприкосновенный капиталъ, четыре милліона, изъ Опекунскаго Совѣта разрѣшено было правительствомъ выдать для дальнѣйшаго производства слолна. Но при безпечности распоряженій и кутежахъ не на долго ихъ хватило. Потомъ пошли займы за высокіе проценты, и несостоятельность. Фабричныя заведенія послѣ многолѣтняго секвестра обратились въ развалины, едва выручили за нихъ тридцать тысячъ на уплату долговъ, а вѣдь устройство ихъ стоило болѣе трехъ милліоновъ. Самъ хозяинъ остался ужь въ какомъ незавидномъ положеніи!

Жаль, потому что съ его-то почину сукна для китайскаго размѣна работаются на московскихъ фабрикахъ, и минула надобность выписывать для кяхтинской мѣны сукно подъ названіемъ Мизирицкаго изъ-за границы, да и другіе сорта какіе требуются для внутренняго употребленія стали изготовляться въ Россіи, особенно какъ поразводили у насъ шпанскихъ овецъ и заграничныя машины начали получаться

безъ затрудненія, детскіе противъ выписки Кж. на восемьдесятъ процентовъ.

Однако я заболтался и перескочилъ изъ двадцатыхъ годовъ въ тридцатые и сороковые, притомъ затесался въ хоромы именитаго купечества. Возвращаюсь къ своей тогдашней крѣпостной долѣ.

XIV.

Я ужь упоминалъ что съ дѣтства имѣлъ большую охоту къ чтенію, но до женитьбы начитанность моя ограничивалась преимущественно книгами священнаго содержанія и очень немногими гражданской печати. Послѣ сватьбы я началъ знакомиться съ настоящею литературой, и до такой степени увлеклась моя любознательность что цѣлыя ночи бывало просиживалъ за книгами. Особенно прельщенъ былъ я повзіей того времени, такъ что до сихъ поръ * держатся въ моей памяти многія фантазіи и цѣликомъ піесы избранныхъ поэтовъ. Разумные выводы талантливыхъ писателей всегда побѣждали односторонній мой крестьянскій взглядъ и многіе предразсудки свойственные быту простолюдина. Ясно обличалось мое невѣжество почти во всемъ.

При всемъ томъ какъ-то страдало мое самолюбіе, и хотя я соглашался съ мыслями нѣсколько доступными моему понятію и постепенно уничтожались во мнѣ толки старины, но взамѣнъ того въ головѣ моей поселились какія-то перепутанныя и разнородныя мысли, которыхъ я не только что не могъ сообразить, но изъ которыхъ возникло даже ко всему читанному недовѣріе. Конечно тому причиной— безъ разбору чтеніе.

Можетъ быть то было однако и къ лучшему, оттого что я осторожнѣе соглашался съ тѣми смѣлыми мыслями которыя не могли быть примѣняемы къ порядку дѣйствительной жизни моего крѣпостнаго званія. Да и былъ я не одинъ, нужно было подумать по возможности обезпечить участь своего семейства...

Такъ и рѣшился я вести свою жизнь по знакомой тропинкѣ промышленности, хоть она, доставляя средства къ домашнему обиходу, не совсѣмъ удовлетворяла нравствен-

* Писано въ шестидесятыхъ годахъ.

ныя стремленія. Книги однако взяли свое и жизнь подтолкнула. Прежде, когда не тяготились мои понятія крѣпостнымъ положеніемъ, желанія мои ограничивались тѣмъ чтобы стать въ уровень съ почетными людьми села изъ зажиточныхъ, или по крайней мѣрѣ не уронить памяти отца и дѣда. Но послѣ того событія какъ насильственно былъ увеличенъ нашъ платежъ, власть помѣщика и унизительное рабство цѣлаго общества тяжело дали себя почувствовать.

А какъ выпутаться изъ этой вѣковой сѣти и вытащить своихъ? Много пришлось передумать, много посѣдѣло волосъ на головѣ... Что можетъ сдѣлать семейный человѣкъ, ограниченный мелкими познаніями, безъ денегъ, безъ связей знакомства, безъ случая и протекціи, и наконецъ—крѣпостной крестьянинъ?... При тогдашней моей раздражительности чувствъ, при разстроенномъ воображеніи, признаться, угрожала мнѣ большая опасность. Всего болѣе мучилъ меня соблазнъ живыхъ примѣровъ людей разными лживыми изворотами наживщихъ огромные капиталы. Но Всемогущій Богъ сохранилъ чистоту моего намѣренія, натура моя не могла усвоить низкихъ путей и разсудокъ мой одобрялъ только честный заработокъ.

Съ этимъ должны были согласоваться мои дѣйствія, ограниченный же кругъ моей дѣятельности не могъ обѣщать въ будущемъ капитальныхъ средствъ для выкупа.

Тогда-то рѣшился я расширить свою торговлю. Внимательно разсмотрѣвъ и обсудивъ всѣ знакомыя и сподручныя дѣла, остановился я на мѣстныхъ продуктахъ покупаемыхъ значительными партіями къ Архангельскому порту, и возымѣлъ счастливую мысль, разсчитавъ сообразить излишекъ цѣны отъ перехода товара черезъ нѣсколько рукъ.

Результатъ оказался на мой взглядъ довольно убѣдительный. Вслѣдствіе того я дерзнулъ представить обо всемъ въ Архангельскъ, совершенно незнакомому мнѣ торговому дому Бранта,—предлагая ему свои личныя услуги быть исполнителемъ его порученій. Конечно все мною изложенное было добросовѣстно и сообразно съ обстоятельствами дѣйствительности.

Однако можно ли было мнѣ надѣяться на успѣхъ? Я не представилъ ни обезпеченія, ни даже простой рекомендаціи!

Несмотря на то вдругъ получаю (помню, утромъ 1822 года) письмо отъ Вильгельма Ивановича Бранта, которое

коротко и ясно поручаетъ мнѣ покупку льняного волокна. Вслѣдъ затѣмъ, по слѣдующей же почтѣ, высылается мнѣ тридцать тысячъ рублей... Потомъ, смотрю, шлетъ своего завода рафинадъ на коммиссію...

И пошло это дѣло до 1830 года. Разъ только въ теченіе восьми лѣтъ побывалъ я самъ въ Архангельскѣ и лично познакомился съ моимъ довѣрителемъ, обыкновенно же годичные обороты и отчетность вертилась письменно. Трудно повѣрить, а это истинно такъ! и это событіе моей жизни послужило мнѣ поощреніемъ къ новой предпріимчивости, не менѣе удачной и замѣчательной. Черезъ годъ послѣ Бранта, въ 1823, безо всякой протекціи и рекомендаціи, возьми я да и обратись къ управлявшему Императорскою Александровскою Мануфактурой генералу Александру Яковлевичу Симпсону...

Что же! И онъ тоже охотно согласился сдѣлать мнѣ порученность относительно покупки льна, которую исправно и исполнялъ я въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ. Деревенская же моя торговля продолжалась своимъ порядкомъ. Петербургское наводненіе 1824 года затопило мнѣ въ убытокъ товару на семь тысячъ. За всѣмъ тѣмъ, въ 1826 въ оборотѣ у меня было собственнаго капитала пятнадцать тысячъ. Съ такими средствами можно бы ужь мнѣ выйти изъ крѣпостнаго состоянія, нравственно всегда принижавшаго меня въ кругу свободныхъ людей.

Но какъ-то эта завѣтная мысль отъ времени слабѣла.... Оттого ли что свободу моей торговли и самый кредитъ не стѣсняло крѣпостное положеніе, оттого ли что по ходу оборотовъ неудобно было взять изъ капитала нужную для выкупа часть, ужь не знаю. Только я все откладывалъ да откладывалъ, пока въ двадцать шестомъ году происшедшее на моихъ глазахъ сильно дало мнѣ почувствовать горькую мою крѣпостную долю.

XV.

Я уже говорилъ что окружныя деревни были съ нами одной вотчины, и что въ старину, при первомъ послѣ князя Репнина владѣльцѣ-откупщикѣ, всѣ мы гонялись на фабричную работу. По второму раздѣлу двадцать три деревни съ бумажною фабрикой, всего около тысячи шестисотъ

ревизскихъ душъ, достались племяннику нашего барина, который въ 1818 году продалъ все имѣніе одному князю, по фамиліи *. Въ послѣдствіи времени, находясь даже въ крѣпостномъ еще званіи, крестьяне тамошніе имѣли довольное благосостояніе.

Не то было тридцать - сорокъ лѣтъ назадъ. Тогда они управлялись наемнымъ фабричнымъ нѣмецкимъ начальствомъ, которое притѣсняло ихъ всячески, кромѣ лоборовъ прибѣгая и къ нравственному насилію, такъ что понемногу начиналъ искореняться порядокъ добровольныхъ брачныхъ союзовъ, а почти всѣ они заключались по наряду заводской конторы. Назначили для этого одно время въ году и по особому списку вызывали въ контору жениховъ и невѣстъ. Тамъ по личному указанію Нѣмца-управляющаго составлялись пары, и подъ надзоромъ конторскихъ служителей прямо отправлялись въ церковь, гдѣ и вѣнчались по нѣскольку вдругъ. Склонности и желанія не спрашивалось.

По долгомъ времени такой горести, изъ общаго продолжительнаго ропота возникли письменныя жалобы крестьянъ къ самому помѣщику, который на бѣду не обратилъ на нихъ вниманія, а ввѣрился управляющему и, не разобравъ, дозволилъ ему „проучить“ всѣхъ просителей домашнимъ образомъ.

И пошла потѣха: каждодневная жестокая порка. Терпѣніе наконецъ истощилось. Въ 1828 году почти всѣ деревни безъ зову собрались къ заводской конторѣ, спросить этого самаго бусурмана, за что такое тиранство? Хитрый Нѣмецъ, увидѣвъ большую толпу, смѣтилъ въ чѣмъ дѣло. Объяснился бы онъ, да показалъ господскій приказъ самого барина, тѣмъ и прекратилъ бы негодованіе.

Нѣтъ, онъ велѣлъ прислугѣ сказать что потолкуетъ съ мужиками вечеромъ, въ вечеру подъ предлогомъ болѣзни отложилъ разговоръ до другаго утра, и тутъ же отпустилъ всѣмъ по стакану вина и по краюхѣ хлѣба на ужинъ, а самъ между тѣмъ ночью махнулъ втихомолку въ губернскій городъ за тридцать верстъ, да и явись сейчасъ къ губернатору съ жалобой что крестьяне князя вышли изъ повиновенія, съ неистовствомъ кричатъ и бунтуютъ, и будто онъ самъ едва спасъ жизнь бѣгствомъ. Мужики въ ту пору, совсѣмъ не думавшіе о бунтѣ, въ простотѣ душевной, не подозрѣвая такого коварства;—ласковый отвѣтъ, чарку

водки, кусокъ хлѣба приняли за знакъ особой милости и за лучшую надежду на будущее, преспокойно разошлись кому куда ближе, а на утро, какъ приказано было, опять собрались къ заводской конторѣ въ твердой увѣренности что вотъ услышатъ милостивое рѣшеніе.

Не тутъ-то было! Вдругъ на нѣсколькихъ тройкахъ подкатили чиновники съ военною командой и управляющимъ, который видомъ собравшихся по его же распоряженію мужиковъ могъ подтвердить свою клевету, да вѣроятно и подмазалъ кого слѣдуетъ. Начальство громко крикнуло:

— Чего притащились, бунтовщики! По домамъ, не то десятаго отдерутъ!

Сходка, пораженная такою неожиданностью, хотѣла было разказать дѣло, но не посмѣла, и молча всѣ стали одинъ по другому уходить. А изъ тѣхъ кто позамѣшкался, приказано солдатамъ нѣсколькихъ человѣкъ схватить и скованными отправить въ городъ какъ зачинщиковъ. Составили и протоколъ объ усмиреніи неповиновенія, формально подписанный всѣми чиновниками. Только стряпчій не только не подписалъ, но подалъ протестъ, гдѣ изложилъ что крестьянъ не спросили о причинѣ ихъ сбора и что при всемъ томъ они по первому слову покорно стали расходиться. Хотя этотъ протестъ скрыли отъ губернатора и схваченныхъ, какъ зачинщиковъ, предали суду, однако уѣздный судъ немедленно освободилъ арестованныхъ, какъ невиноватыхъ.

Казалось къ лучшему дѣло, а вышло еще хуже: потому что хотя нареканіе въ бунтѣ съ крестьянъ сняли, однако жалобъ ихъ не обслѣдовали и все осталось попрежнему, а управляющій, со злости на свою неудачу, сталъ мстить и хуже тѣснить, притомъ представилъ князю что мужики бунтуютъ, а судъ имъ поваду даетъ. Вельможа, опять не разобравъ и усомнившись въ послѣдствіяхъ мнимой потачки, вопреки судебному рѣшенію, своею законною помѣщичьею властью приказалъ: всѣхъ оправданныхъ крестьянъ безъ зачету отдать въ солдаты или сослать въ Сибирь на поселеніе. Мужики, между тѣмъ, какъ-то не довѣряя благополучному окончанію и предчувствуя съ иной стороны грозный исходъ, приготовили прошеніе на Высочайшее имя, съ прописаніемъ всего, и со всѣхъ деревень приложили къ нему подписи грамотныхъ людей. Какъ только до-

шло до заводской конторы строгое распоряженіе барина и прошелъ о немъ слухъ, тотъ же часъ четыре выборныхъ человѣка отправились въ Петербургъ къ самой государевой защитѣ. Эта делутація подала прошеніе самому императору Николаю Павловичу, лично, и получила отъ министра внутреннихъ дѣлъ открытый листъ для свободнаго слѣдованія на родину.

Но пока она странствовала, въ деревняхъ стали брать крестьянъ по господскому приказу, какъ велѣно. Ожидая возвращенія своихъ выборныхъ, мужики рѣшительно отказались выдать обреченныхъ на погибель односельцевъ, говоря что если угодно барину, такъ они всѣ готовы идти въ солдаты или въ Сибирь, не иначе... Тутъ управляющій, именемъ князя—къ губернатору; и поставлена по всѣмъ деревнямъ военная экзекуція, а министру отправлено донесеніе о возмущеніи.

Пошла страшная кутерьма. Цѣлый баталіонъ поселился у крестьянъ, властно распоряжаясь ихъ хозяйствомъ. Потомъ, помню въ іюнѣ мѣсяцѣ, въ ближайшую къ нашему селу деревню согнали всѣхъ окрестныхъ жителей, и оцѣпили. Я самъ былъ свидѣтелемъ. Сдѣлали кругъ посторонніхъ зрителей, посрединѣ начальство, лоодаль—два лалача. И болѣе ста человѣкъ, кто помоложе, наказаны плетьми. Всѣ, осѣнивъ себя крестнымъ знаменіемъ, безропотно терпѣли истязаніе. Крѣпкаго сложенія люди, охраняя слабыхъ, сами выступали впередъ. Бабы жалобно кричали, дѣти плакали. Не имѣю способности передать видѣнное... Само начальство (кромѣ одного только исправника) отворачивалось и смотрѣло внизъ.

Но должно-быть безвинное страданіе не пропадаетъ втунѣ: этотъ день былъ для крестьянъ послѣднимъ испытаніемъ, изъ котораго возникло начало новаго порядка. Въ скоромъ времени Нѣмецъ-управляющій былъ смѣненъ другимъ, Русскимъ, болѣе снисходительнымъ и добрымъ человѣкомъ, который нашелъ средство замѣнить барщину фабричныхъ работъ машинами и вольнонаемнымъ трудомъ своихъ крестьянъ: одни стали платить оброкъ, другіе добровольно работали на фабрикѣ за плату въ зачетъ своихъ повинностей. И въ нѣсколько лѣтъ всѣ поправились, даже многіе оказались зажиточными людьми.

Примѣчанія достойно что по нѣкоторомъ времени князь,

въ своемъ домѣ, посреди своего семейства, былъ убитъ изъ пистолета въ Петербургѣ какимъ-то докучливымъ просителемъ, Финляндцемъ. Не совершилось ли это правосудіе Всевышняго за истязаніе крестьянъ, которые въ свою очередь не послужили ли очистительною жертвой за грѣхи своихъ предковъ?

Не намъ судить.

XVI.

До этого несчастнаго случая, я, говорю, все еще полуравнодушно смотрѣлъ на крѣпостное свое состояніе, но впечатлѣніе видѣннаго возобновило прежнее мое желаніе освободить отъ неволи себя и семью, хотя бы цѣной всего своего наличнаго капитала. Съ этою цѣлью два года хлопоталъ я, употреблялъ разныя средства, заходилъ съ подарками куда надобно было, къ домашней приближенной челяди барина, и все-таки получалъ лишь кое-какія надежды, а подъ конецъ и тѣ уничтожились усерднымъ, но неосторожнымъ ходатайствомъ добрыхъ моихъ пріятелей, которые слишкомъ ужь меня захвалили, полагая тѣмъ послужить моей выручкѣ. Особенно старались за меня мои знакомые по торговлѣ.

Вдругъ одинъ изъ нихъ увѣдомляетъ что господа не хотятъ слышать о моемъ увольненіи, добавляя: „Имѣя васъ на примѣтѣ, кажется они намѣрены употребить васъ по своимъ дѣламъ“.

Дѣйствительно, вслѣдъ затѣмъ предписано вотчинному правленію: „объявить такому-то нашему крестьянину и обязать его подпиской подъ строгою отвѣтственностью правленія чтобы впредь не дерзалъ безпокоить домогательствами о выкупѣ, тѣмъ болѣе что за него хлопочутъ извѣстные люди, которые вѣроятно имѣютъ его въ виду по своимъ коммерческимъ дѣламъ: почему беремъ его теперь на особое замѣчаніе впредь до нашего распоряженія.“

Скрѣпя сердце выслушалъ я господскій приказъ, и далъ подписку что впредь не стану тревожить помѣщиковъ...

XVII.

До 1828 года, платя исправно опредѣленную повинность, мало участвовалъ я въ общественныхъ дѣлахъ села, которыя не касались меня лично. Все мое время занимала своя торговля. Однако жалобы односельцевъ на злоупотребленія бурмистра частенько до меня доходили. Какъ я былъ ему съ родни и жилъ съ нимъ въ ладу, то пріятельски много разъ говаривалъ ему, исправился бы онъ въ своихъ обязанностяхъ. Читалъ я мораль эту такъ, по дружбѣ; а онъ на дыбы, обидѣлся, и давай придираться. То выдачу мнѣ паспорта на мои разъѣзды пріостановитъ подъ тѣмъ предлогомъ что я самимъ господамъ нуженъ, то тѣмъ-другимъ доѣзжаетъ. На счетъ паспорта обходилось хорошо. Не уважая его прихотей, я прямо обращался къ барину, который не стѣсняя моей промышленности всегда приказывалъ выдавать мнѣ видъ, а подчасъ даже давалъ сильный нагоняй бурмистру.

Вдругъ вмѣсто паспорта приказано объявить мнѣ чтобъ я былъ готовымъ къ продажѣ господскихъ заводовъ желѣза на Нижегородской ярмаркѣ!... Исполнилось слово что господа держатъ меня на примѣтѣ.

Эта честь довѣряемой порученности крѣпко была мнѣ непріятна, не потому чтобы боялся я дѣла, а потому что страшился нашихъ безтолковыхъ правилъ продажи, стѣснявшихъ ее такъ какъ будто торговля тоже принадлежитъ къ крѣпостному состоянію, или какъ будто заводскій нашъ продуктъ до того обязателенъ для потребителей, что они должны безусловно соглашаться на произволъ инструкціи выдаваемой посланцу на ярмарку. О дѣльности ея можно судить изъ слѣдующаго. Въ ней, напримѣръ, назначалось:

1) Продавать желѣзо, всѣ сорта, по цѣнамъ *выше* другихъ заводчиковъ, и отнюдь не дешевле такіе-то сорта такой-то цѣны: за всякое же упущеніе въ этомъ ты отвѣтствуешь. 2) Продажу производить *за наличныя деньги*, не отпуская безъ платы впередъ ни одного фунта. 3) Непремѣнно продать *все* отправленное на ярмарку количество, и затѣмъ столько-то отослать съ почтой въ сибирскіе наши заводы, столько-то перевести черезъ банкъ намъ въ Петербургъ,

столько-то оставить впредь до распоряженія. 4) Если паче чаянія нельзя продать по назначеннымъ цѣнамъ, то доносить и *ожидать* на устулку разрѣшенія....

Такъ ли ведутъ торговлю, и кто изъ людей свободнаго состоянія согласился бы принять на себя подобную порученность, когда въ оптовой торговлѣ не существуетъ обычая требовать отъ покупателя всѣ деньги предъ отпускомъ, а всегда приходится довольствоваться задаткомъ, запиской и честнымъ словомъ?... Положеніе мое было довольно опасное; но что дѣлать! не спорить же съ барином.

На первый случай въ мое распоряженіе предоставлено было около полутораста тысячъ пудовъ желѣза,—количество хотя значительное, но не представившее мнѣ большаго затрудненія въ продажѣ. Нижегородская ярмарка и тамошніе пріемы были мнѣ извѣстны съ начала основанія, то-есть съ 1817 года. Не трудно было познакомиться съ главными торговцами желѣзомъ, и не стѣсняясь мелочными ограниченіями владѣльцевъ, я дѣйствовалъ свободно, сообразуясь съ общимъ ходомъ дѣлъ на ярмаркѣ. Такимъ образомъ съ Божьею помощью начальную операцію я кончилъ весьма удачно, и за успѣхъ свой получилъ отъ господъ благодарность и пятьсотъ рублей награды.

Это такъ пріятно подѣйствовало на мое самолюбіе что я почти бросилъ мысль о выкупѣ.

XVIII.

Между тѣмъ, въ нашемъ общественномъ управленіи безпорядки постепенно увеличивались и жалобы крестьянъ на бурмистра до того наскучили господамъ что внезапно послѣдовало предписаніе вотчинному правленію быть бурмистромъ мнѣ, принять всѣ дѣла по селу въ свое вѣдѣніе, а по прежнимъ потребовать отъ стараго бурмистра подробный отчетъ.

Вотъ эта почетная порученность хотя также польстила мое самолюбіе, но ни мало не порадовала, а просто перепугала, потому что въ сельскомъ управленіи я не имѣлъ никакой опытности. По такому чистосердечному своему сознанію, я усердно просилъ господъ уволить меня отъ налагаемой обязанности. Они не согласились, а подтвердили,

милостиво присовокупивъ, что дабы не стѣснялась моя промышленность, вольно мнѣ взять себѣ въ помощники благонадежнаго свѣдущаго человѣка.

Такое распоряженіе нѣсколько меня успокоило и ободрило обычную мою дѣятельность на новое поприще. Сталъ я вникать. При разборкѣ дѣлъ минувшаго времени сами собою оказались явныя злоупотребленія, таковыя что привели даже прежняго бурмистра къ добровольному взносу растраченныхъ имъ общественныхъ суммъ. На мою бѣду, подъ наружною покорностью судьбѣ таилось его недоброжелательство, замѣченное мною, но оставленное безъ вниманія. Съ своей стороны я старался окончить ревизію снисходительнымъ домашнимъ образомъ, не разводя дрязгъ.

Покончивъ съ прошлымъ, пришлось заняться теперешнимъ своимъ уже управленіемъ. Сдѣлавшись общественнымъ человѣкомъ хоть и недобровольно, все же я долженъ былъ по совѣсти пытаться понять общественныя нужды, и изъ первыхъ замѣтилъ тотъ недостатокъ что въ такомъ значительномъ и торговомъ селѣ нѣтъ училища. Никто о немъ не позаботился!

Я немедленно доложилъ обществу, которое охотно согласилось съ моимъ мнѣніемъ объ этой потребности. Составилъ я проектъ; разумѣется потребовалось согласіе помѣщиковъ, которые откюдь не препятствовали, напротивъ мнѣ самому поручили дальнѣйшее ходатайство по учебному округу.

Утвердили! Законоучителемъ назначили протоіерея нашей церкви, и дали штатнаго учителя грамматики, ариѳметики и правописанія.... Ко времени открытія нашлось желающихъ до семидесяти мальчиковъ, въ теченіе годичнаго курса ихъ умножилось до ста, и на экзаменѣ, въ присутствіи директора гимназіи, многіе показали хорошіе успѣхи, всѣ вообще умѣли читать и писать, тогда какъ въ мое дѣтство мальчикъ даже способный, просидѣвъ у дьячка такое же время, едва только мямлилъ по складамъ Псалтирь, да и то больше памятью, что̀ испытано и мною.

Потому-то успѣхъ чрезвычайно меня обрадовалъ и до такой степени заинтересовалъ, что я рѣшился предложить въ дополненіе къ нашему училищу ремесленную школу, которая въ селѣ Великомъ была необходима по той причинѣ что всѣ мы занимались не хлѣбопашествомъ, а торговыми промыслами изъ рода въ родъ. Къ сожалѣнію, это

мнѣ не удалось. Помѣщики не согласились пожертвовать единовременно на обзаведеніе пять тысячъ рублей, а сельское общество не посочувствовало и даже явно воспротивилось моему намѣренію, считая его какою-то барщиной...

Потомъ замѣтилъ я что въ мѣстѣ нашего селенія (нынѣ уже съ тремя тысячами душъ обоего пола) нѣтъ домашнихъ средствъ врачебнаго пособія больнымъ, которые пользуются лишь случаемъ пріѣзда уѣзднаго врача, и то одни зажиточные, въ крайности болѣзни, а прочіе умираютъ безъ пособія или довольствуются бабьими снадобьями. Это обстоятельство крѣпко меня обижало. Однако я не посмѣлъ предложить его обществу, оттого что зналъ закоренѣлость его предразсудковъ, а прямо представилъ господамъ.

Они тотчасъ одобрили и вмѣстѣ съ тѣмъ распорядились сами прислать изъ Петербурга вольнопрактикующаго врача, Михаила Логиновича, съ назначеніемъ ему отъ себя жалованья и предписавъ мнѣ дать ему приличное помѣщеніе, прислугу и топливо. Этотъ добрый человѣкъ оказалъ намъ большія услуги, можно сказать благодѣянія: устроилъ въ небольшомъ видѣ домашнюю аптеку, выучилъ нѣсколькихъ мальчиковъ фармацевтикѣ и фельдшерскому искусству,— все то благодаря помѣщикамъ, безъ малѣйшей тягости для общества, которое въ послѣдствіи убѣдилось въ пользѣ сдѣланнаго и было признательно своему врачу, тоже умѣвшему цѣнить простодушную расположенность нашихъ мужиковъ. Этой взаимности радовался я сердечно, и Михайло Логиновичъ всегда былъ въ моемъ домѣ первымъ гостемъ.

Наконецъ пришло мнѣ въ голову предположеніе объ улучшеніи мѣстной сельской промышленности или домашняго ремесла. Вся торговля и ремесленность должны быть основаны на чистой добросовѣстности. Правда, тутъ нужно имѣть терпѣніе до того времени какъ изъ положенія дѣлъ сдѣлается извѣстна честность; за то когда упрочится ею твой кредитъ, всякій охотно и преимущественно будетъ имѣть съ тобою дѣло. Ремесленность, кромѣ добросовѣстности, должна не ограничиваться стародавнимъ исполненіемъ, а слѣдить за потребностью времени, и выгоды свои извлекать не изъ дешевизны худыхъ матеріаловъ, употребляемыхъ фальшиво на выдѣлку вещей, а изъ искуснаго мастерства и прочности.

Теперь надобно повторить ужь отчасти сказанное, что

на моей родинѣ, въ Великомъ селѣ, съ незапамятныхъ временъ усвоено женскимъ поломъ искусство работать тонкія полотна, которыя по качеству своему вездѣ славились. Бабій трудъ этотъ весьма достаточно вознаграждался до того времени какъ за границей техническія усовершенствованія удешевили и улучшили это производство. Встрѣтивъ конкурренцію, наши женщины не могли уже пользоваться прежними выгодами, а вмѣсто того чтобы стараться сколь возможно поправить свою работу, онѣ въ угоду своей корысти начали въ утокъ полотна употреблять бумажную пряжу. Сначала и выгадалась такимъ манеромъ большая польза, потому что при продажѣ фальшивую поддѣлку трудно было замѣтить и опытному покупателю.

Но разумѣется подмѣсь сама собою оказывалась при употребленіи. Стала теряться репутація нашихъ полотенъ, до того даже что ихъ опасались покупать! Вотъ и составилъ я проектъ, и предложилъ обществу чтобы зло этой фальши воспретить. Никто того не понялъ, не понимая настоящихъ своихъ выгодъ. Я свою мысль на разсмотрѣніе главнаго правленія. Тамъ не только не обратили вниманія на дѣло, а даже съ выговоромъ возвратили мнѣ бумагу назадъ, строго воспретя на будущее время безпокоить „подобными затѣями, могущими быть препятствіемъ въ сборѣ оброчной суммы“...

XIX.

Такъ шло съ моими „затѣями“ по бурмистерству. Въ общемъ—благополучно, и всѣ были мною довольны. Желѣзо тоже долженъ былъ я продавать на Нижегородской ярмаркѣ: съ этою частью до 1830 года все оканчивалось удачно, такъ что я всегда получалъ похвалу и денежныя награды. И въ тридцатомъ году наше желѣзо было продано успѣшно, цѣнами даже свыше назначенныхъ.

Къ несчастью моему открывшаяся въ это время эпидемія, холера, погубила дорогой двухъ караванныхъ приказчиковъ, которые, принявъ товаръ на сибирскихъ заводахъ, были обязаны сдать его по моимъ продажнымъ запискамъ покупателямъ, какъ то всегда водилось. При сдачѣ и оказался недочетъ въ тысячу двѣсти рублевъ, стоившихъ по тогдашней цѣнѣ четыре тысячи пятьсотъ шестьдесятъ рублей

ассигнаціями. Дѣло пріемки на заводахъ и сдачи покупателямъ нисколько меня не касалось.

Однако правленіе общей конторы *отъ меня* потребовало объясненія. Вслѣдъ затѣмъ оно прислало въ Великое село ревизора. Тотъ ни по дѣламъ вотчиннымъ, ни разспросомъ товарищей умершихъ прикащиковъ—по желѣзу, не только чего-либо яваго противъ меня, но даже сомнительнаго не могъ отыскать. При всемъ томъ по этому дѣлу цѣлый годъ тянулась переписка.... Очевидно, со стороны господъ ко мнѣ не было претензіи, иначе не стали бы со мною долго церемониться. Орудовалъ тутъ главный правитель дѣлъ, да подъ рукой прежній бурмистръ, котораго замѣнили мною. И не трудно было бы мнѣ склонить правителя въ свою пользу, что и видно было изъ нескрываемаго письменнаго его вымогательства.

На бѣду, почитая себя по совѣсти правымъ, я не хотѣлъ унизиться до продажной протекціи, а былъ даже радъ что авось теперешнее неблаговоленіе окончится избавленіемъ меня отъ тяжелой поручености.

Въ 1881 году желаніе мое и сбылось, только не такъ какъ думалось: на ярмарку къ продажѣ желѣза назначенъ прикащикъ изъ сибирскихъ заводовъ, а мнѣ велѣно явиться въ Петербургъ для личнаго объясненія....

Такая нечаянность не обѣщала ничего добраго. Непріятность была еще и та, что въ то время по своимъ дѣламъ нуженъ былъ личный надзоръ и распоряженіе. Однако долженъ былъ повиноваться, и въ ноябрѣ мѣсяцѣ вотчинныя дѣла приведя въ порядокъ и сдавъ своему помощнику, въ первыхъ числахъ декабря пріѣхалъ я въ Петербургъ.

Немедленно являюсь къ управляющему главною конторой. По прежнему личному знакомству принятъ довольно вѣжливо, но очень сухо, лишь съ неопредѣленнымъ обѣщаніемъ о явкѣ моей доложить при случаѣ господамъ, которые де разъ въ недѣлю бываютъ въ конторѣ. Между прочимъ, по-прежнему дозволено мнѣ занять комнату въ господскомъ домѣ. Проходитъ двѣ недѣли,—все нѣтъ мнѣ вызову.

Такъ рѣшился я безъ зову отправиться къ самому барину, генералу А., тѣмъ болѣе что до сихъ поръ всегда пользовался личною его благосклонностью. Не трудно было это исполнить: камердинеръ, нашъ землякъ, тотчасъ доложилъ

генералу и тогда же позвали меня въ кабинетъ. Здѣсь рѣшилась участь моей будущности, поэтому передамъ разговоръ подробно....

.....

Къ сожалѣнію, именно на этихъ строкахъ подлинная рукопись обрывается: смерть, постигшая автобіографа въ 1868 году, не дозволила ему дописать повѣсть о своей жизни. Дальнѣйшая судьба нашего героя извѣстна по устнымъ разсказамъ его, переданнымъ мнѣ близко знавшими его людьми: излагаю ее вкратцѣ, сожалѣя объ отсутствіи подробностей, которыя вѣроятно были бы въ высшей степени интересны.

Попавшій по чужой винѣ и по вражьимъ происканъ въ немилость крѣпостной бурмистръ, Савва Дмитріевичъ Пурлевскій, вошелъ въ кабинетъ своего барина ни живъ, ни мертвъ. Сцена произошла грозная, заключилась строгимъ приказомъ: „сейчасъ отправляться назадъ въ деревню, тамъ ждать распоряженія“.

Страшное слово „ждать распоряженія“ отяготило Пурлевскаго. Ему почудилась та расправа, которой онъ не разъ былъ свидѣтелемъ, тѣлесное наказаніе, можетъ-быть красная шапка, быть-можетъ Сибирь... Онъ, обыкновенно разсудительный, на этотъ разъ потерялъ голову, и тутъ же рѣшился бѣжать. Куда? Объ этомъ долго раздумывать нечего: куда чаще всего бѣгаютъ раскольники, которые вѣроятно не разъ укажинали и изъ его села, гдѣ ихъ довольно: за Прутъ, за Дунай!

Въ тотъ же день изъ Петербурга его и слѣдъ простылъ. Мучила его мысль что внезапное удаленіе поставятъ ему въ строку какъ доказательство его виновности, такъ чтобы не считали его бѣглымъ, а уходъ его—сознаніемъ въ винѣ и уклоненіемъ отъ заслуженнаго наказанія, съ дороги онъ послалъ господамъ по почтѣ письмо, въ которомъ обстоятельно излагалъ и матеріальную невозможность согрѣшить въ дѣлѣ, ходившемъ своимъ путемъ, мимо его рукъ, и тѣ нравственныя побужденія, которыя заставили его, все бросивъ, поскорѣе искать спасенія изъ боязни возможныхъ послѣдствій взведенной на него клеветы.

Отправляясь въ Петербургъ, Пурлевскій взялъ съ собою лишь незначительную сумму и, послѣ петербургскихъ издержекъ да траты на обратный проѣздъ, прибылъ въ Москву всего съ пятидесятью рублями.

Двадцать изъ нихъ, положенныхъ въ котелекъ, у него украли... На остальные онъ кое-какъ дотащился до Кіева, гдѣ и очутился безъ копѣйки. Въ Кишиневъ пришлось

зажиточному крестьянину, домовладѣльцу и бурмистру странствовать уже лѣшкомъ.

Отсюда до Прута рукой подать, только нѣтъ средствъ устроить удобную безъ риску переправу, какую обыкновенно налаживали пограничные Евреи за приличную плату. Дѣлать нечего, подобрался въ темную ночь предпріимчивый горемыка одинъ-одинешенекъ къ рѣкѣ, нарѣзалъ камышу, связалъ пучокъ, легъ на него, оттолкнулся ногой и поплылъ по теченію.

Теченіемъ прибило его въ Молдавію. Чрезъ нѣсколько дней молодецъ очутился уже въ Яссахъ, измученный, оборванный, голодный, рѣшительно безо всякихъ средствъ. Здѣсь онъ нашелъ не мало русскихъ бѣглыхъ, особенно скопцовъ, занимавшихся преимущественно извозомъ. Пурлевскій къ нимъ. Они пріютили земляка, накормили, приняли къ себѣ въ услуженіе. Хозяинъ попалъ въ работники, да и тому былъ радъ.

Вскорѣ впрочемъ онъ пошелъ въ гору: по своей честности и трудолюбію былъ отличенъ, получилъ экипажъ на разъѣзды, жалованье, долю изъ выручки, началъ обживаться и понемногу разживаться, такъ что мечтались ему въ болѣе или менѣе близкомъ будущемъ свои собственныя дрожки. Только слышитъ онъ разъ ночью въ просонкахъ около себя разговоръ: „Парень хорошій, надо бы его къ намъ...“

Некрещій православный, Пурлевскій и своихъ старообрядцевъ на селѣ никогда не одобрялъ, а то стать ему скопцомъ! А какъ слышалъ онъ что скопцы частенько употребляютъ насиліе, то шибко перепугался и при первой возможности скрыться бѣжалъ на Дунай, къ Некрасовцамъ, на рыбные промыслы.

Здѣсь жилъ онъ два года, былъ обласканъ, всѣмъ доволенъ. Одно сокрушало: тоска по родинѣ, по селу, по семьѣ, отъ которой, хоть и посылалъ ей отъ себя вѣсточки, не получалось никакого извѣстія. И сильно подмывало возвратиться. Но какъ? вѣдь онъ бѣглый крѣпостной!

Некрасовцы очень интересовались тѣмъ что дѣлается въ Россіи и выписывали газеты. Разъ, чуть ли не въ 1834 году, читаютъ въ *Одесскомъ Вѣстникѣ* что по представленію графа Воронцова всемилостивѣйше разрѣшено бѣглымъ, не учинившимъ уголовныхъ преступленій, свободно явиться и прилисаться въ Новороссійскомъ краю гдѣ пожелаютъ.

Пурлевскій, собравъ всѣ накопленные гроши, тотчасъ въ Одессу, въ мѣщане. Опредѣлился половымъ въ трактиръ, понравился хозяину и сдѣлался прикащикомъ.

Въ трактиръ ходилъ одинъ магистратскій секретарь. Онъ очень полюбилъ Савву Дмитрича, и это знакомство немного спустя очень пригодилось. Кто-то послалъ изъ Одессы главноуправляющему доносъ что находится здѣсь такой-то бѣглый крѣпостной Великаго села. Контора и хотѣла было

потянуть его, но благодаря секретарю, магистратъ и Херсонская уголовная палата отстояли прописку въ одесскіе мѣщане.

Между тѣмъ, извѣстные Яхненко и Симиренко начали свое сахарное производство. Магистратскій секретарь приходился имъ племянникомъ. По его рекомендаціи, Савву Дмитріевича пригласили въ коммиссіонеры открывающагося дѣла. Первоначально не ладилось. Поѣхалъ онъ, напримѣръ, въ 1847мъ году, въ Астрахань, всего съ пятидесятью бочками, три мѣсяца жилъ тамъ и не продалъ ни одной. Собирался уже во свояси ни съ чѣмъ, какъ приходитъ къ нему мѣстный торговецъ колоніальныхъ товаровъ, И. И. Козловъ и покупаетъ всѣ пятьдесятъ бочекъ.

Съ легкой руки этого покупателя, коммиссіонерство пошло удачно, и положеніе С. Д. Пурлевскаго окончательно упрочилось. Онъ прописался въ купцы, до пятидесятыхъ годовъ разъѣзжалъ по Россіи, живя главнымъ образомъ въ Севастополѣ; въ 1852мъ переселился въ Москву, гдѣ до самой смерти (1868) оставался коммиссіонеромъ слѣдъ Яхненки и Симиренки, потомъ замѣнившаго ихъ товарищества. Въ 1856 году онъ выкупилъ своего единственнаго сына за двѣ тысячи пятьсотъ рублей серебромъ (мать и жена, кажется, задолго предъ тѣмъ умерли). Когда послѣдовало объявленіе манифеста объ освобожденіи крестьянъ, старикъ, возвратившись отъ обѣдни, молча сѣлъ и залился слезами....

Изъ подобныхъ слезъ и слилось неисчерпаемое море признательности вокругъ престола Державнаго Преобразователя!

Н. ЩЕРБАНЬ.